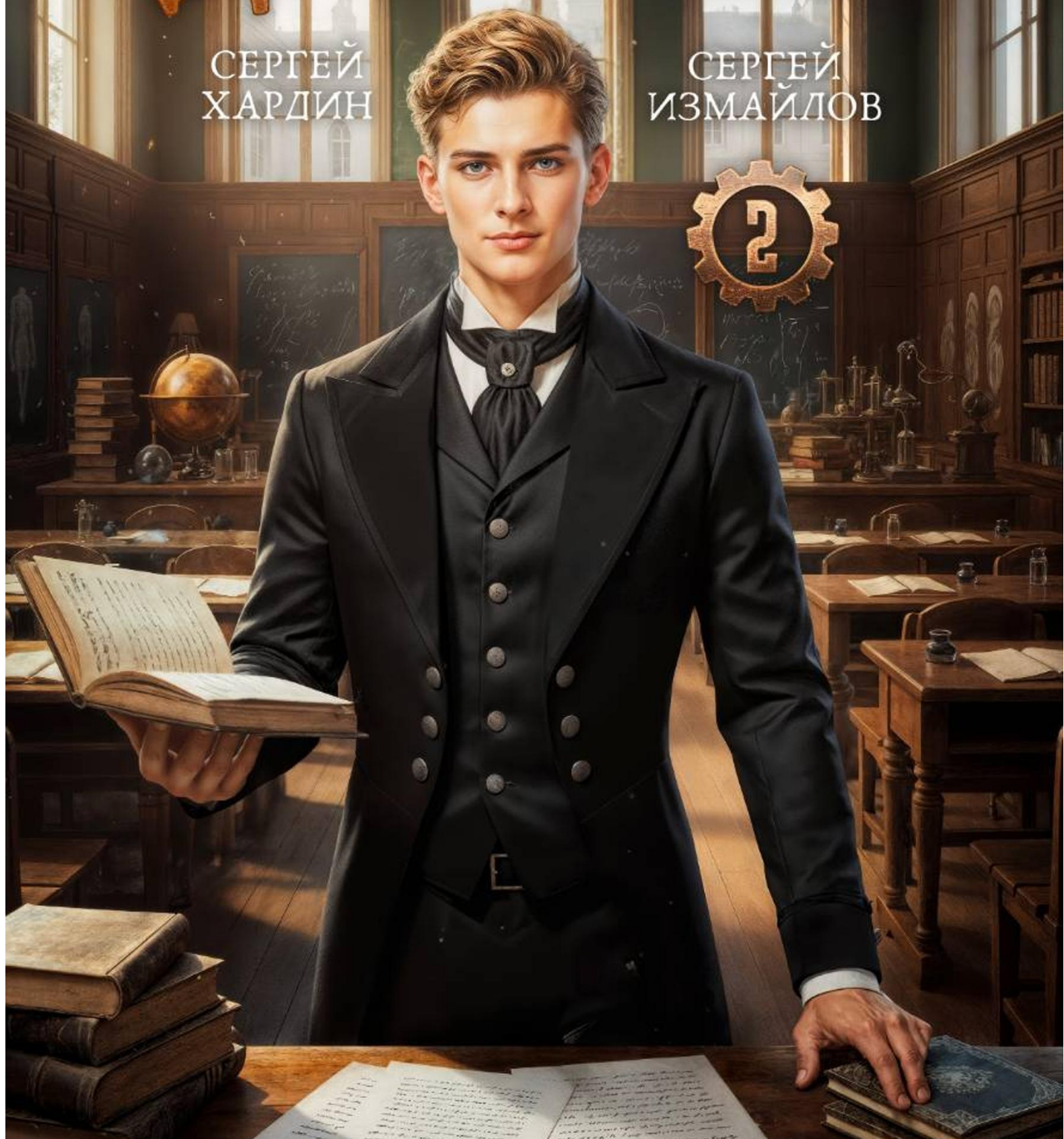

❄️ ТУЛЬСКИЙ МАСТЕР. ❄️

ДАНИЛАОВ

СЕРГЕЙ
ХАРДИН

СЕРГЕЙ
ИЗМАЙЛОВ

Сергей Измайлов

Данилов. Тульский мастер 2

«Автор»

«Автор»

2026

Измайлов С.

Данилов. Тульский мастер 2 / С. Измайлов — «Автор», «Автор»,
2026

Первые шаги сделаны, новые дороги проторены, начат великий путь. Что? Начало учебного года? Отлично! Значит буду расширять свои познания об этом мире, чтобы легче было двигаться вперёд, к своей заветной цели. И, заметьте, никто мне не сможет в этом помешать!

© Измайлов С., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	19
Глава 4	26
Глава 5	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Данилов. Тульский мастер 2

Глава 1

Я поднимался по лестнице на чердак, руки ещё помнили вес инструмента, в ушах стоял гул цеха, а моё тело хотело лишь тишины и покоя. Но стоило мне войти в свою комнату, как сразу в глаза бросилась новая деталь.

На застеленной кровати, поверх моего грубого одеяла, лежал свёрток из плотной бумаги, перехваченный алой шёлковой лентой.

Я замер на пороге, усталость как рукой сняло, и я сразу осмотрелся по сторонам, хотя в моей «келье» прятаться было определённо негде, да и солдатики сумели бы подать мне знак, а они стояли спокойно и невозмутимо.

Я подошёл и внимательно осмотрел свою находку. Сначала визуально, но упакован он был плотно, аккуратно и очень бережно. От обёртки исходил слабый, но всё ещё чётко слышимый аромат духов, смутно знакомый.

Внутри, в изящном футляре вишнёвого дерева, лежало совершенство. Чертёжные инструменты. Не та дешёвая жесь, что гнулась в руках гимназиста, а изделие оружейника, перенесшего свои навыки на мирный металл. Ножки циркуля, отполированные до зеркального блеска, ловили последний луч заката и превращали его в горячие иглы алого света. Рейсфедеры и кронциркуль с иглами тоньше кончика скальпеля. Лекала из слоновой кости, их кривые были выверены не геометром, а настоящим поэтом, воспевающим безупречность линий. Настоящая мечта для инженера.

К футляру была прикреплена записка. Бумага верже, плотная, с лёгкой шероховатостью, которую почувствуешь только подушечками пальцев. Почерк каллиграфический, женский, с завитушками. «Для больших успехов в учёбе. С любовью, тётя Элеонора.»

Читая между строк, я понимал, что семейка родственников осознала рост моего влияния, и теперь, очевидно, старалась «сгладить углы», возникшие при встрече дражайшего племянничка в самом начале. Долго что-то они соображали, что просчитались, теперь надо ещё подумать, давать ли им шанс. Просится на ум ассоциация с отправкой вражеского поезда под откос.

«С любовью». От этих двух слов у меня свело желудок, будто я целиком проглотил кусок льда. Какая неловкая, а от этого ещё более смешная попытка купить мою лояльность и прощение. Не вышло сделать меня зависимым и обязанным, как им ни хотелось, теперь видимо пришла пора лебезить? Даже противно стало.

Внутри поднялась волна ярости, я позволил ей подняться, признал её и так же холодно и методично, затолкал обратно, под слой расчётливого спокойствия. Лицо снова стало маской. Только взгляд, наверное, стал даже более серьёзным, чем у старого переплётчика Афанасия Аристарховича, взвешивающего на невидимых весах ценность знания и риск обладания ими.

Я не стал прятать подарок. Прятать значило признавать его власть и бояться его. Я поставил роскошный футляр в дальний угол стола, к самой стене, развернув его лицом к грубым доскам. Пусть постоит там, в позоре, отвернувшись от мира, как провинившийся школьник.

Проснулся я от того, что луч солнца, настырный, как долговой пристав, упёрся мне прямо в веки. Он пробивался сквозь слой пыли на оконном стекле: Раиса, ясное дело, не торопилась наводить здесь чистоту, а у меня на это патологически не хватает времени. В воздухе висели мириады пылинок, неторопливо кружась в этом золотом столбе, ленивые и бесполезные. Тула за окном просыпалась со свойственной ей деловой ворчливостью: где-то далеко скрипела не

смазанная ось телеги, с фабричного района уже тянуло едким угольным дымом, а под окном на улице уже орала какая-то торговка, пытаясь всучить сонным прохожим «самую сладкую редьку». Звуки наслаивались друг на друга, создавая привычный гул. Даже уютный, пока не вспомнил, где я и какой сегодня день.

Второй.

Вчера было первое сентября. Вчера я переступил порог Императорского Тульского технического. Вчера снова увидел Меньшикова.

Тело отозвалось на эти мысли ноющей болью, но не физической, а ментальной. День вчерашний пролетел, как безумный вальдшнеп: смазанные лица сокурсников, монотонные голоса престарелых профессоров, сухие, как осенние листья, формулы на доске, запах мела и старого паркета. Потом фабрика, те самые мои полставки, где руки сами находили знакомые рычаги и гаечные ключи. И под занавес кузница, где Гришка отчитывался о доходах, а я проверял магические «сейсмодатчики», устанавливал новые пугачи. Три разных мира за двенадцать часов. Три разных войны на трёх фронтах.

Если так пойдёт и дальше, я либо сойду с ума, либо просто пропущу что-то важное, пока буду бегать, как белка в этом колесе. Времени в сутках не прибавится, значит, нужно резать. Жёстко и без сантиментов. Составлять расписание не как школьник, а как полководец, с учётом логистики, сил противника и точек приложения основных усилий.

Мозг, до этих пор ещё лениво перемалывающий остатки сна, наконец-то включился на полную, и я мысленно снова оказался там, в дверном проёме аудитории. Запах свежеевыкрашенной древесины парт, густая тишина перед началом лекции, и он — Аркадий Меньшиков.

Он стоял, прислонившись к косяку, намеренно небрежно, с таким видом, будто это не учебный корпус университета, а его личная терраса. На нём была такая же форма, но сидела она на нём иначе. Уже не как униформа, а как дорогой костюм. Взгляд его, скользнувший по мне, был отнюдь не злым. Злость эмоция простая и понятная, как удар кулаком. А в его глазах была скука. Высокомерная, надменная скука человека, который видит перед собой не противника, а очередную деталь интерьера, которую нужно поставить на место. Даже интересно стало, чем обосновано такое изменение отношения ко мне? Прежней настороженности, граничащей с паникой, я не заметил.

— Данилов, — сказал он, голосом тихим и спокойным, без малейшей нотки вызова. — Добро пожаловать в настоящую жизнь. Здесь важны не твои... фокусы. Здесь важны связи. И репутация. Постарайся не забыть. — И он улыбнулся одними уголками губ.

И самое мерзкое, внутри меня что-то дёрнулось. Не страх. Не ярость. Что-то низменное, животное: желание врезать по этому безупречному лицу, сорвать маску, заставить его кричать, а не говорить шёпотом. Тело шестнадцатилетнего дурака отозвалось на вызов гормонами и дрожью в кончиках пальцев. Но поверх этого, как толстая броня, легло спокойствие сорока прожитых лет и две тонны профессионального цинизма.

— Ох, — подумал я с почти физическим облегчением. — Значит, вот как ты теперь будешь играть, через интриги и свою репутацию. Локации сменились, вместо грязного переулка теперь чистый и светлый коридор университета. Не обрез в руках наёмника, а сплетня, пущенная в нужное ухо. Это, пожалуй, даже интереснее.

Меньшиков в тот момент явно ждал от меня совсем иной реакции: паники, глупой бравады или открытой агрессии. Я же встретил его взгляд также спокойно, наглядно доказывая, что его мнение для меня абсолютно индифферентно.

Он, конечно, и глазом не моргнул. Но скука в его глазах едва заметно сменилась лёгким замешательством. Он просчитал мои возможные ходы, но «вежливая просьба подвинуться» в его список явно не входила. Он молча отошёл, пропуская меня. Я прошёл, чувствуя его взгляд между лопаток, уже не скучающий, а прицельный.

Первая разведка боем на новой карте, которая уже оказалась сложнее, чем я думал.

Сразу же на ум пришло сравнение с Эдиком. Но тот был проблемой простой, как кривой гвоздь. Тупой, сильный, предсказуемый бык. Его мотивы лежали на поверхности: примитивная жажда доминирования, обида на то, что в его вотчине появился чужак.

Сломать было несложно и физически, но я решил сделать это психологически, так вышло даже лучше, осталась только дрожащая оболочка, которая боялась даже моей тени. Прямая угроза нейтрализована простыми методами.

Но вот Меньшиков — это другое. Он больше не станет действовать своими силами, зная, что может снова проиграть. Например, сделает так, что мою курсовую работу признают плагиатом. Что рекомендацию от Бориса Петровича «потеряют». Что на защите диплома все профессора будут смотреть на меня, как на прокажённого.

Осознание этого тихо, но назойливо било по нервам, как капли воды со сталактита по макушке. Старые методы тут не работали.

Нельзя напугать такого сильного игрока одной «Дрожащей тенью». Его не испугаешь фантомами, у него есть своя, куда более влиятельная «нечисть» в кармане.

Значит, тактика меняется кардинально, никаких открытых столкновений. Только учтивость, только соблюдение всех, даже самых дурацких правил. Придётся изучать не только учебники, но и социальный ландшафт: кто кому кем приходится, кто на кого влияет, где проходят настоящие связи власти в этом храме знаний.

Мысль, от которой сначала похолодело внутри, внезапно вызвала усталую улыбку. Да он, по сути, сделал мне одолжение. Он превратил скучную учёбу в сложную, многоходовую операцию. Инженер во мне, тот самый, что когда-то рассчитывал точки напряжения при строительстве мостов, зашевелился с интересом. Рассчитать социальные напряжения, точки приложения давления, слабые швы в репутационной броне противника... Да, это была задача достойного уровня сложности. А такого рода задачи моя стихия.

Что-то слишком долго я предаюсь воспоминаниям и размышлениям. Мысль о новой «задаче» заставила моё молодое тело рывком подняться. Вот только мозг, перегруженный с самого утра стратегиями поведения, забыл послать предупреждение телу. И затылком, со всего маха, я приложился о низкую балку мансарды. Раздался глухой, сочный стук, больше подходящий для удара по спелому арбузу, чем по человеческому черепу.

— Идиот, — процедил я сквозь зубы и потирая макушку, не уточняя, кому именно это было сказано: балке, Меньшикову или самому себе. По черепу расплзлась волна жара, сменившись тупой, пульсирующей болью. Идеальное напоминание: в этой войне можно сломать голову не только метафорически. Шестнадцатилетние рефлексывыдавили негромкий стон, который я подавил, закусив губу. Сорокалетний циник внутри ехидно хмыкнул: «Отличное начало дня, юный полководец».

Боль моментально прочистила сознание, стерев оттуда абстрактные размышления. Цели на день должны быть такими же конкретными и осязаемыми, как эта злосчастная балка, будь она неладна.

Итак, первый момент – сегодня я не просто студент. Я тайный топограф условно враждебной территории. Нужно заметить и зафиксировать всё, что увижу: кто с кем разговаривает до лекции, кто переглядывается, кто сидит отдельно. Составить наглядную карту социальных связей, одним словом.

Второе, и не менее главное, преподаватели. Следует получше присмотреться к каждому, и, пожалуй, сразу решить, на что из предметов сделать особый упор. Моих текущих знаний хватает за глаза по целому ряду направлений – законы физики в этом мире аналогичны, а значит много времени на эти дисциплины лучше не тратить – его и так совсем нет. Значит, продолжаем ускоренно анализировать учебное расписание.

И, наконец, третий пункт моего плана (а много их быть и не должно) поиск точек опоры. Для этого стоит присмотреться к моим собратьям по учёбе, чем чёрт не шутит?

Боль в затылке немного утихла, но поднывать не прекращало. Я потёр шишку, оценив её размер. М-да, приличная. Значит будет лишним напоминаем мне, дескать, всегда следует думать головой.

— Так, — пробормотал я, глядя на пыльный луч солнышка, в котором уже не было ничего поэтичного. — Поехали.

И, оттолкнувшись от кровати, пошёл умываться. Пора было смыть с лица следы сна и придать лицу нужное выражение. Маски, везде одни маски, миры меняются, но люди остаются такими же. Но эти мысли я отправил в далекие уголки – заниматься подобным анализом у меня не было ни времени, ни сил.

Холодная вода из жестяного кувшина обожгла лицо, зато моментально освежила, особенно те две струйки, что пробрались напрямик мне за шиворот. Из небольшого зеркальца на меня смотрел парень с мокрыми, светлыми прядями на лбу и слишком спокойными для своих шестнадцати лет глазами. В них читалась усталая решимость водолаза, которому предстоит очередное погружение в мутные воды. Лицо — маска, но вот глаза... глаза всегда сдадут с потрохами. Придётся чаще смотреть в пол, что ли.

Оделся я по-армейски быстро, и поймал себя на мысли, что мне определенно нравится эта «униформа». Да, отдаёт немного казёнщиной, зато студенты в университете кажутся единым целым.

Остался последний ритуал, я протянул руку к полке, в глубине которой стояли двое: мои верные и преданные оловянные солдатики, мои первые големы в этом мире, начальная точка отсчёта армии моих созданий.

— Дежурство продлевается, — прошептал я, почти не двигая губами. — Никого не пускать. — В ответ по полке пробежала лёгкая, звенящая дрожь. Не магия в её активной фазе, а лишь отзвук, эхо установленной связи. Мои молчаливые часовые подтвердили готовность.

Я кинул последний взгляд на моё узкое окошко: внизу уже кипела улица, а где-то за спиной города, в Собачьем переулке, дымилась моя кузница, моя крепость. В пустом желудке гулко заурчало, а позавтракать дома я не успеваю, надо успеть заскочить в булочную перед началом учёбы.

Внезапно в дверь комнаты постучали. Стук был резкий, отрывистый, пожалуй, лишённый даже намёка на учтивость. Не успел я этому удивиться, как за дверью заговорили.

— Алексей... — голос Раисы, обычно такой противный, оборвался на полуслове. Послышалась пауза, в которой явственно угадывалось сдавленное кряхтение и борьба с собой. Потом она прочистила горло и выдавила наружу, будто слова были осколками стекла, — Алексей Митрофанович. Вас Вячеслав Иванович к завтраку просят. В столовую.

Тишина повисла, а я стоял, прислушиваясь к отзвукам этой фразы в своей голове.

Алексей Митрофанович, какво? По имени-отчеству завеличала.

Из уст Раисы, которая по одной ей известной причине меня, мягко говоря, недолюбливала это было не простой любезностью, а полной капитуляцией. Белым флагом, выброшенным из окна осаждённой крепости. Вячеслав Иванович «просил». Не приказывал через слуг, а, пусть и формально холодно, но просил.

Любопытно, что бы это значило? Может дядя получил весточку от отца, и мой старик собрался неожиданно в гости? На него непохоже, он всегда считал, что удел мужчины самому стойко преодолевать все лишения и жизненные сложности. Отчасти поэтому я бы никогда ему не сообщил о поведении его двоюродного братца, и частично из-за этого тот и посмел так себя вести, хоть и недолго.

Нет, вряд ли. А может, ему дошли слухи о моих успехах на фабрике и в кузнице? Как-никак, а самому Новикову помог. Или это просто новая тактика – сменить кнут на пряник, чтобы усыпить бдительность. Да, и не важно. Важен факт: они признали, что я больше не мусор под их порогом. Я стал... переменной, с которой им приходится считаться.

— Передай Вячеславу Ивановичу, что я сейчас буду, — медленно произнёс я, стараясь, чтобы голос был максимально безэмоциональным. Пусть гадают, что у меня на уме.

Я остался в комнате ещё на пару минут, поправил одежду, волосы, улыбнулся сам себе в отражение, натянул дежурную маску холодной учтивости, и неспешно вышел из комнаты. Лёгкое прикосновение к замку, небольшое давление магией на него, и, вуаля, дверь теперь не откроется никаким ключом. И почему я только сейчас об этом догадался. Правы были местные мудрецы, задним умом все крепки.

В коридоре было уже пусто, Раисы и след простыл, но звука шагов я не слышал. На цыпочках унеслась, лисичка-сестричка, после выполнения неприятной для неё миссии. А жаль, будет любопытно ей в глаза теперь взглянуть.

Столовая пахла дорогим кофе и свежим воском, которым натёрли паркет. Всё её убранство вовсю голосило гостю, как благополучно в доме, показуха как раз в лучших традициях моего дядюшки.

Помнится, в далёком детстве, я краем уха слышал разговор родителей. Батюшка всё удивлялся, почему двоюродный братец так ему завидует. Равно как и не понимает, почему отец, будучи графского титула, не поехал в столицу, как многие его сверстники, а остался сначала у одра уже умирающего деда, а потом женился и стал обживать то небольшое наследство, что ему досталось, преумножая и процветая.

Я на мгновение замер на пороге, вспоминая тот старый подслушанный разговор и наблюдая картину «счастливого» семейства.

Вячеслав Иванович, судя по выражения лица поглощенный нерадостными мыслями, занимал место во главе стола. Элеонора Андреевна, вся в кружевах, с тонкой, как лезвие, улыбкой, разливала чай. Сама, что уже само по себе было удивительно. Эдик сидел, вжав голову в плечи, будто стараясь стать частью спинки стула. Таня, скромная и бледная, помешивала ложечкой в чашке, не поднимая глаз.

Все явно ждали меня. Не как родственника, скорее, как неудобный экспонат, который наконец-то решились выставить в общую витрину.

— Алексей, присаживайся, — голос тёти Элеоноры был приторным, как патока. — Мы решили, что тебе будет удобнее завтракать с семьёй. Теперь ты студент, тебе нужны силы для учёбы.

Я кивнул, отмерил два ровных шага до стула, отодвинул его аккуратно, без скрипа и сел. Спина прямая, руки на коленях.

— Благодарю за приглашение, тётя. Это действительно... удобно. — я невольно усмехнулся, отчего Эдик непроизвольно вздрогнул. — И спасибо за подарок, тётя. — всё также безэмоционально произнёс я. — Очень своевременно.

Я смотрел ей прямо в глаза, когда произносил это. И сразу заметил то мимолетное изменение взгляда, позы, в котором угадывалось, что мой посыл дошёл правильно. Она поняла, что её «любовь» была не принята, а вскрыта, обезврежена и выставлена в самый дальний угол, и комнаты, и моего внутреннего мира. Моя благодарность была не благодарностью, а не более чем лицемерным ответом в духе всего этого семейства. Почти, но Татьяну я давно воспринимал отдельно от остальных Гороховых.

Элеонора Андреевна улыбнулась в ответ, и её улыбка была всё такой же сладкой, выдержанной в идеальных пропорциях светского приличия.

— Не стоит благодарности, Алёшенька. Мы всегда рады поддержать твои устремления.

Тишину нарушал только звон серебряных ложек о фарфор, да чавканье Эдуарда, который старался даже не смотреть в мою сторону. Я ел методично, без аппетита, но и без брезгливости, делая вид, что ничего особенного не происходит.

— Ну как, Алексей, впечатления от университета? — тётя Элеонора снова попыталась нащупать нить разговора.

— Красивое здание, — ответил я, откладывая ложку. — Много студентов, интересные лекции. — И отхлебнул кофе, давая понять, что тема исчерпана.

Её улыбка стала ещё более натянутой. Она ожидала чего угодно, за что можно зацепиться, а получила ответ настолько ограниченный, что не нашлась что сказать мне в ответ.

Мой взгляд скользнул по Эдику. Он не просто избегал смотреть на меня, он, казалось, физически сжимался, стараясь занять меньше места. Его могучие плечи были ссутулены, взгляд намертво прикован к тарелке. Рука, державшая ложку, слегка подрагивала. Он вёл себя скорее, как мелкий зверёк, что чует хищника в двух шагах и надеется, что его не заметят. Я и не стал его провоцировать, негоже трогать и без того болезных.

— И форма на тебе сидит... с иголки, — процедил наконец дядя, не отрываясь от газеты. — Ну да, особенно если вспомнить, во сколько она обошлась.

Комментарий, видимо, был рассчитан на то, чтобы задеть, вызвать чувство вины или услышать оправдания. Я же просто поднял глаза и посмотрел на него.

— Ну, во-первых, обошлась она не Вам, дядя, — ответил я настолько спокойно, насколько мог. — А моему отцу, он лишь передал Вам мои средства на хранение, так сказать. И с подобной оказией я его обязательно попрошу впредь избавить Вас от подобной «ноши». Его сын вырос, и он в этом убедится уже совсем скоро.

Вячеслав Иванович фыркнул, уставился в газету и стал шумно переворачивать страницы. Его щёки слегка порозовели. Вот тебе и милый семейный завтрак, с другой стороны, даже приятно было расставить ещё несколько точек над «и». Я отставил чашку с недопитым кофе и поднялся.

— Позвольте откланяться, занятия начинаются. — Я слегка склонил голову в сторону хозяев, лишь на мгновение задержав взгляд на Татьяне. Её пальцы слегка сжали край салфетки, но лицо осталось непроницаемым. Она поняла мою игру. Умная девочка.

Развернулся и вышел, не дожидаясь ответа. Дверь в столовую притворилась за мной, отсекая запах кофе и закрывая вид этого фальшивого семейного очага.

В коридоре я сделал глубокий вдох. Воздух здесь был всё тем же, но уже не давил. Этот дом больше не был станом врага, который нужно штурмовать. Это был постоянный двор, временная, неудобная, но пока необходимая стоянка.

Глава 2

Аудитория четырнадцатого корпуса встретила меня запахом, который, казалось, не менялся здесь со времён Александра Первого: горьковатая пыль мела, сладковатый дух старого, потёртого паркета и подспудная нотка человеческих чувств — волнения, страха, скуки и задора сотен молодых людей.

На кафедре, словно вырастая из неё, стоял профессор Грубер. Сухой, морщинистый, в безупречно чистом, но поношенном сюртуке. Его голос был монотонным, ровным, как гудение пчелиного улья. Он не читал лекцию, он её декламировал, медленно выводя на доске меловые иероглифы, которые должны были означать что-то о моментах инерции и силе трения.

Для меня это была азбука, которую я освоил ещё в прошлой жизни, гоня по полигону первые прототипы шагоходов. Слушать это было всё равно, что взрослому мужчине заново разучивать таблицу умножения.

Но я и не слушал. Я смотрел. Мой взгляд скользил по рядам, анализируя каждого, благо моего настоящего жизненного опыта на это хватало с головой. Да, здесь сидели будущие инженеры, но я не смотрел на них под этим углом. Тут находились разные социальные группы со своими страхами, амбициями и ресурсами.

Справа, у самого окна, сидела девушка. Не просто красивая, а, казалось, безупречная. Прямая спина, собранные в тугий узел темные волосы, профиль, словно высеченный из мрамора.

Она записывала лекцию, не отрывая глаз с доски, и, казалось, её руки действуют отдельно от головы. Здесь чувствовалось не простое ученическое рвение, скорее профессиональное поглощение процессом. Отличница, или фанатик, а возможно, и то, и другое. Хотя, если хорошенько вдуматься, лишь недавно император одобрил разнополое обучение. Прежде дамы и смельчачки не могли с мужчинами равняться. Но и сейчас, девушке приходится сильно больше трудиться, спрос всё одно будет выше, чем с парня.

Среди прочих сокурсников меня привлёк тощий паренёк в очках, что сгорбился над конспектом через пару рядов от неё. Его перо скрипело с такой отчаянной скоростью, будто он боялся упустить хоть одну крупицу мудрости Грубера. Он ловил каждое слово, кивал, бормотал что-то себе под нос. Даже со своего места я заметил, как его пальцы были перепачканы в чернилах. Классический ботаник, куда же без них.

Ну а в центре зала, образуя особую, элитную зону, восседал Меньшиков со своей свитой. Трое-четверо самоуверенных юнцов, которые слушали Грубера с томной снисходительностью, изредка перешёптываясь и кивая в сторону то одной, то другой девушки в аудитории. Сам Аркадий полулежал на стуле, вертя на пальце явно дорогой перстень. Его взгляд время от времени лениво окатывал аудиторию, как прожектор, и каждый раз на секунду задерживался на мне.

Началась перемена, профессор Грубер вышел, оставив нас заниматься своими делами. Я копался в портфеле, доставая тетрадь для следующей пары, и лишь краем глаза заметил какое-то движение. Меньшиков, проходя мимо моего стола вместе со своей свитой, как бы нечаянно задел его коленом, и мой пенал с перьями и карандашами, лежавший на краю, сорвался вниз.

Я не ожидал от него подобной мелкой гадости, слишком такая выходка была детской что ли. Понимаю, это скорее был лёгкий тест. На проверку реакции, да на слабость нервов. Буду ли я рыться под партой, покрытый позором, либо начну возмущаться, как уличная торговка.

Но моя рука метнулась вниз раньше, чем пенал успел пролететь и половину расстояния до пола. Пальцы сомкнулись вокруг деревянного чехла с глухим щелчком, а я даже не вздрогнул. Подняв голову, я заметил, как Аркаша остановился, обернувшись в мою сторону. На лице играла ехидная улыбка.

— Ой, простите, простите, экий я неловкий, — сказал он, и в его глазах читался всего один вопрос: «Ну?».

Я посмотрел сначала на пенал в своей руке, потом на него.

— Бывает, — сказал я совершенно спокойным голосом. — Уж кто-кто, а я прекрасно осведомлён, каким неловким вы можете быть. — Я вложил в последние слова ровно столько намёка на прошлые его неприятности, чтобы это было понятно только ему.

Наши взгляды скрестились на две, от силы три секунды. В его глазах уже полыхало пламя, а пальцы стали сжиматься в кулаки, но он резко взял себя в руки, отвернулся и зашагал прочь, увлекая за собой свою свиту.

Я открыл блокнот и аккуратным почерком на странице с моим расписанием занятий вывел:

«Теоретическая механика – пустая трата времени на этом курсе. Данные примитивны, подача неинформативна. Пр. Грубер – сух, догматичен, не источник знаний, найти варианты не ходить на его лекции».

Свет, проникавший сквозь высокие окна, уже сменил угол, когда я вышел, наконец, из аудитории Грубера.

Промежуток между лекциями в двадцать минут слабо походил на перерыв, но кто я такой чтобы спорить.

Коридоры гудели: шум голосов, смех, нервный гул сотен молодых жизней, втиснутых в казенные стены. Я замедлил шаг, став частью этого потока, но не растворяясь в нём. Мозг продолжал работу: отмечал группу студентов с горящими глазами, спорящих о чем-то у доски объявлений; ловил обрывки разговоров о предстоящем семинаре, о каком-то Вольском; видел, как та самая «мраморная» девушка из аудитории коротким, точным движением поправляла прядь волос, даже не глядя на своё отражение в стекле витрины.

Внезапно поток передо мной расступился, резко, как вода перед форштевнем. Навстречу шёл Аркадий Меньшиков. Он не был один, его окружало то же облако приспешников, но сейчас они отстали на шаг, будто давая ему пространство. Мы оказались лицом к лицу в узком месте, у самого поворота лестницы. Сойти в сторону означало бы уступить дорогу, остановиться значило признать его право идти первым.

Я не сделал ни того, ни другого. Просто замедлил шаг до минимального темпа, сохраняя прямую траекторию. Расстояние между нами сокращалось, в его глазах читался не вызов, а холодное любопытство, смешанное с лёгкой брезгливостью, будто он видел перед собой не человека, а неудобный предмет, который надо обойти, не запачкавшись.

За спиной у кого-то из его свиты сорвался сдавленный смешок. Меньшиков не повернулся. Его взгляд скользнул по моему лицу, по форме, по сумке через плечо — быстрая, безошибочная оценка, как аукционист осматривает лот. Потом, не меняя выражения, он сделал легкий, почти изящный шаг в сторону, ровно настолько, чтобы наши плечи не соприкоснулись.

Ни слова не было сказано. Это была не стычка, лишь демонстрация. Он показал, что видит меня, я показал, что не намерен уступать. И оба мы поняли, что прямое столкновение здесь, в этих стенах, будет нелепым и бесполезным. Война переместилась в иное пространство: в пространство взглядов, намерений, едва уловимых жестов.

Когда я отходил, до меня донесся его голос, тихий и ровный, обращенный к кому-то из своих: «...интересно, сколько он продержится». Фраза не была явно предназначена мне, она тоже была частью спектакля, репликой в сторону. А я даже не обернулся.

Поворот лестницы вел вниз, в полуподвальный этаж, где, как я понял, находилась лаборатория материаловедения и где должен был читать свою вводную лекцию профессор Вольский.

Я вошел уже последним. Аудитория была много меньше, чем у Грубера, и устроена иначе: не ряды парт, а амфитеатр, опускающийся к демонстрационному столу. Стол был пуст, если не считать лежавшего на нем предмета, прикрытого куском толстого брезента.

Людей было немного, человек тридцать, не больше. Я бегло окинул взглядом: «мраморная» отличница (или фанатичка) сидела в первом ряду, ее поза была такой же собранной, как и прежде. Паренек с чернильными пальцами ютился сбоку, сжимая в руках толстую тетрадь. Были и другие лица, одни смотрели с интересом, другие со скукой. Но точно не было свиты Меншикова, равно как и его самого.

Тишина в аудитории была иной: не сонной, а напряженной, будто все ждали не начала лекции, а какого-то события.

И оно произошло.

Дверь в дальнем углу, ведущая, видимо, в лабораторию, открылась беззвучно, и в аудиторию вошел человек.

Очевидно, это и был тот самый Вольский.

Ему должно было быть лет пятьдесят, но выглядел он всего на сорок. Высокий, сухопарый, в простом темном пиджаке, но сшитом из хорошего сукна. Его лицо было продолговатым, с резкими скулами и глубокими морщинами у рта, но не от смеха, а, скорее, от привычки плотно сжимать губы. Волосы, темные с проседью, были коротко острижены. Но главное — глаза. Светло-серые, почти прозрачные, они смотрели не на студентов, а сквозь них, будто оценивая не их лица, а структуру материала, из которого они состоят.

Он не поздоровался, не представился, не сел за стол. Напротив, быстрым шагом он прошёл к демонстрационному столу, остановился прямо перед ним и, наконец, поднял взгляд на аудиторию. Его взгляд скользнул по рядам, и, на мгновение, задержался на мне. Чуть дольше, чем на других.

— Материаловедение, — его голос был низким, ровным, без явной эмоциональной окраски, но он заполнил собой всю аудиторию, — это не дисциплина о формулах в учебниках. Это дисциплина о причинах катастроф, о том, почему вещи, которые должны служить веками, разрываются на части за секунду.

Он сделал паузу, дав этим словам повиснуть в воздухе. Потом резким, отрывистым движением сорвал брезент с предмета на столе.

Там лежала не деталь, не образец. Там был повреждённый кусок рельса, довольно массивный его кусок, чёрный, покрытый окалиной и ржавчиной, с зияющим разрывом, похожим на рану.

— Тула, семнадцатый километр, прошлый год. Курьерский состав на полном ходу, — сказал Вольский, касаясь пальцем края разрыва. — На повороте у станции Ключевская. Семнадцать погибших. Три вагона сошли с рельсов и превратились в щепки.

В аудитории воцарилась мёртвая тишина.

Вольский обвёл аудиторию тем же ледяным взглядом.

— Ваша задача не просто выучить формулы. Ваша задача понять, почему этот рельс не выдержал. Почему металл, который должен был держать, лопнул. Почему расчет, который должен был защитить, оказался ошибкой. Вы будете искать трещины, повреждения, ошибки. Но не только в металле. А ещё и в самих расчётах, в человеческих умах, в самой системе.

Он отступил от стола, сложил руки на груди.

— Те, кому это не интересно, могут уйти. Прямо сейчас.

Он сделал новую паузу, более долгую.

— Тех, кого интересуют только оценки в дипломах, я не удерживаю, можете не приходить, лишь сдавайте работы вовремя. Дверь там.

Никто не пошевелился. Вольский кивнул, будто это было ожидаемо.

— Тогда начнём.

Он повернулся к доске, взял мел, но писать не стал. Снова обернулся.

— Есть какие-то вопросы?

Вопросов ни у кого не было. Было лишь общее оцепенение.

Тогда он снова посмотрел на меня. Именно на меня. И не просто взглянул, но и обратился ко мне.

— Данилов. Вы, кажется, на нашем заводе, в мехцехах трудитесь?

Я кивнул, чувствуя, как десятки глаз поворачиваются ко мне.

— Тогда объясните, что такое усталость металла?

Да, вопрос был прямо из той самой реальности, что лежала на столе. Но почему он спрашивает об этом меня, и откуда он, чёрт побери, знает кто я и где работаю?

Я медленно поднялся. Голос звучал ровно и твёрдо.

— Усталость металла есть процесс накопления микрповреждений под действием переменных нагрузок. Это приводит к изменению свойств материала, образованию трещин, их развитию и разрушению материала за определённое время. И тогда катастрофа. Как здесь. — Я указал на повреждения рельса.

— Верно, — сказал он коротко. — Садитесь, молодой человек.

Профессор продолжил лекцию. Но теперь его слова были обращены будто не ко всей аудитории, а только ко мне. Как будто между нами установилась некая невидимая связь.

Когда звонок прозвенел, Вольский тотчас исчез, так же беззвучно, как и появился. О его присутствии напоминал лишь покорёженный кусок рельса на столе.

Я вышел из аудитории последним, тихо закрыв за собою дверь. В кармане моей сумки лежал блокнот, и на его чистой странице я мысленно начертил: «Вольский. Материаловедение не наука, а учение. Цель: понять, почему ломается мир. И, возможно, научиться его чинить».

И еще одну мысль, которая уже жила во мне: «Откуда он знает кто я, и откуда я?».

Коридор был уже пуст, где-то далеко послышались шаги. Я пошёл им навстречу, чувствуя, как в груди зажигается странное, забытое чувство: не азарт и не страх, а предвкушение. Предвкушение настоящей работы.

Дверь в учебный цех отворилась, и на меня обрушилась стена звука. Не привычный заводской гул, а настоящая какофония: рёв точильных кругов, пронзительный визг резца по металлу, глухие удары молотов о наковальни, шипение раскалённого железа, опускаемого в бочку с водой. Воздух дрожал, густой от запахов: окалины, раскалённого масла, пота и угольной пыли. Здесь теория Грубера умирала, насаженная на штык практики.

Инструктор, бородатый детина в кожаном фартуке, с лицом, обожжённым тысячами искр, даже не пытался перекрыть грохот. Он просто показал мне на свободный токарный станок и прокричал в ухо, срываясь на хрип: «Втулка! По чертежу! До конца пары!»

Чертеж на доске был примитивным, деталь простейшей. Во всяком случае для меня. А вот для парня рядом, у которого тряслись руки, и он уже второй раз срывал резьбу, видимо, нет. Я провёл пальцами по заготовке. Глазами я видел цилиндр. Кончиками пальцев, через ту самую, едва освоенную магическую чувствительность, я ощущал его биографию: места с повышенной хрупкостью, любые невидимые глазу слабости.

Я включил станок. Двигатель взвыл, передавая вибрацию через пол в ноги. Знакомое чувство сосредоточенности, мир сузился до точки соприкосновения резца и металла. Первая стружка, сизая, туго скрученная, пошла из-под инструмента. Я не думал. Руки сами помнили движения, доведённые до автоматизма и в другой жизни, и уже в этой.

Боковым зрением я отмечал реакцию преподавателя. Инструктор, проходя мимо, на секунду замер, оценивающе скосился на мою работу, и двинулся дальше без слов. Это, видимо, было его высшее одобрение, хоть и молчаливое. Парень слева от меня застыл, забыв про свою испорченную заготовку. В его взгляде читался немой вопрос: как?

Работа шла на автомате, тело помнило каждое движение, оставляя сознанию свободу анализировать пространство вокруг.

Именно поэтому я заметил его движение краем зрения еще до того, как он решился. Это был один из тех, что вертелись вокруг Меньшикова — крупный, с тяжеловатой поступью парень, чья физическая сила явно опережала скорость его же мысли.

Он не просто проходил мимо — его траектория была кривой, нарочито небрежной, вела его прямо к моему станку. В руке он нес тяжелые слесарные тиски, небрежно держа их за одну губку, будто демонстрируя, как ему нести-то неудобно. Идеальное орудие для «случайного» столкновения. Ударит по станку: испортит заготовку, может, даже сломает резец, а может и по мне попадёт. А на всё скажет, мол, нечаянно, силы не рассчитал, вот и уронил.

Время замедлилось. Я видел, как его плечо напрягается для легкого, будто невзначай, толчка в мою сторону, как тяжелый агрегат в его руке начинает инерционное движение вперёд.

Моё тело среагировало само. Я не отпрянул. Наоборот, я сделал полшага навстречу, сокращая дистанцию до критической. Это был первый сюрприз для него — цель не ушла, а приблизилась. Его расчет на толчок в спину рухнул.

В тот миг, когда его плечо должно было коснуться моего, я не стал его блокировать. Я принял этот импульс, позволил ему чуть развернуть мой корпус, и тут же, используя эту приданную мне же энергию, резко и коротко дернул его за локоть той руки, что несла тиски. Не на себя, вниз и в сторону. Элементарное использование рычага и его собственного неуклюжего веса.

Его рука с тисками, уже вынесенная вперед для удара, под моим направляющим движением резко пошла вниз. Он инстинктивно попытался удержать тяжесть, но я уже был не там. Сделав легкую подсечку ему по ногам, я лишь помог физике сделать свое дело.

Все произошло за два счета. Раз, и он пошатнулся, перегруженный вперёд неудобной тяжестью и собственным импульсом. Два, и его нога, на которую он перенес вес, споткнулась о его же неуклюжую подошву. Он громко, по-медвежьему ахнул, и всей своей тушей, с размаху, рухнул плашмя на каменный пол. Тяжелые тиски вырвался из его рук и с оглушительным грохотом покатались по проходу, оставляя на полу глубокие царапины.

Грохот падения и лязг металла на секунду перекрыли все остальные звуки в мастерской. Станки затихли. Все обернулись.

Я уже стоял в полушаге от него, слегка склонившись, с выражением неподдельного удивления на лице.

— Осторожнее, мил человек, — сказал я ровным, громким голосом, чтобы слышали все. — Пол, видать, скользкий. И инструмент, ты глянь, тяжеловат для одной руки. Может врача позвать?

Он лежал, оглушенный, с разбитым в кровь лицом, видимо приложился им об пол при падении. В глазах плескалась сначала ярость, которую, правда, сразу же сменила боль, а следом животный страх.

Он-то понимал, что все увидели только следующую картину: шёл, споткнулся, упал. И никто не заметил моей «помощи» в этом. Для всех же это был чистейший несчастный случай, и не больше.

Из группы Меньшикова к нему бросились двое. Я сделал шаг назад, уступая им место.
— Поднимайте его аккуратно, — посоветовал я тем же спокойным тоном. — Вдруг там ещё есть повреждения.

Мастер-инструктор уже шёл к нам, нахмурившись.

— Что тут случилось?

— Студент, кажется, поскользнулся, — сказал я первым, пока лежащий окончательно не пришёл в себя. — Тяжелый инструмент уронил. Надо бы повнимательнее, да ношу по себе брать.

Мастер посмотрел на парня, которого поднимали товарищи, на его окровавленные губы и повисшую руку — растяжение, не более. Посмотрел на меня. В его взгляде мелькнуло нечто. Не подозрение, нет. Но он видел, как я работал, видел мои руки, так не похожие на руки сокурсников-дворянчиков. А теперь этот «несчастный случай» прямо рядом со мной, и моё спокойное, невозмутимое лицо.

— К лазарету его, — буркнул мастер, махнув рукой в сторону приятелей упавшего. — А вы, Данилов, закончили работу?»

— Втулка готова, — кивнул я, протягивая ему с верстака свою деталь. — Проверять будете?

Мастер взял втулку, покрутил в руках и кивнул:

— Сдано. Можете быть свободны.

Я кивнул, и стал собирать рабочее место. В мастерской постепенно возобновлялась работа, но атмосфера была уже иной. Взгляды, которые скользили по мне теперь, были лишены прежнего праздного любопытства. В них появилась тень уважения, смешанная с осторожностью.

Столовая встретила почти домашней обстановкой.

Воздух был густым и невероятно сложным на запахи: дразнящие, с дымком, запахи свежего борща; пряные, с тмином и перцем, нотки жареной в сметане говядины; сладковатый пар от только что вынутых из печи ватрушек; и под всем этим — аромат свежего ржаного хлеба. От одного этого запаха слюнки текли, а в желудке предательски скреблось, напоминая, что с завтрака прошла вечность.

Звенела посуда, стучали ложки о дно глиняных мисок. Народу было много: за столами теснились и скромно одетые разночинцы, и щеголеватые дворянчики в безупречных мундирах. Здесь, перед тарелкой с дымящейся похлёбкой, стирались социальные грани. Все были просто голодными студентами, и кормили здесь на совесть на скромные отчисления из казны, но явно с добавкой от щедрот попечителей. Не удивительно, что здесь был аншлаг.

Я стоял с подносом и искал глазами место, где можно спокойно пообедать.

И тут увидел её.

Она сидела у окна, за маленьким столом, рассчитанным на двоих. Спина идеально прямая, голова слегка наклонена над книгой, которую она держала в левой руке, в то время как правая механически подносила ко рту ложку с тем же борщом. Темные волосы, собранные в узел, открывали длинную, изящную линию шеи. Свет из окна падал на её профиль, и я наконец смог рассмотреть эту девушку. Высокие скулы, прямой нос, тонкие, плотно сжатые губы. Она была воплощённой антитезой шуму и хаосу вокруг, а её столик был островком тишины, ограждённым невидимой стеной. И что самое поразительное, соседние столики также пустовали. Казалось, что никто не решался нарушить эту ауру обособленности.

Мой аналитический ум тут же выбросил кучу гипотез. Застенчивая? Нет, не та осанка. Гордая? Возможно, но в её позе не было вызова, лишь полное погружение в себя. Изгой? Ну,

если только добровольный. Или, что более вероятно, она сама создала вокруг себя этот вакуум, чтобы её не трогали, и дабы не тратить время на глупости.

Интересно, очень интересно.

И я смело направился к её столу. Не из юношеской дерзости, не из желания покрасоваться. Сугубо из научного любопытства. Что произойдёт, если нарушить паттерн? Как поведёт себя эта замкнутая, идеально откалиброванная система под внешним воздействием?

Я остановился у стола. Она не подняла глаз, продолжая читать. Я поставил поднос на противоположный край.

— Я вам не помешаю?

Её карандаш, выводивший пометки на полях, замер на секунду. Потом она медленно подняла на меня глаза.

Глаза. Чёрные и глубокие, как колодцы в безлунную ночь. В них не было ни удивления, ни раздражения, ни даже любопытства. Был лишь холодный анализ. Она смотрела на меня так, как я смотрел на поломанный пресс у Колчина, в поиске точки приложения сил, понимая устройство, и не более.

— Свободно, — произнесла она довольно низким, глубоким голосом без какой-либо интонации.

Я сел и принялся за еду, не пытаюсь заговорить. Давление тишины между нами нарастало, но оно было иного рода, чем за столом у Гороховых. Там тишина была враждебной, натянутой. Здесь же она была... насыщенной, что ли. Она явно ждала. Я чувствовал её взгляд на себе, не прямой, в лоб, а незаметный, из-под полуопущенных ресниц. Она оценивала. Не мою внешность, её это явно интересовало меньше всего. Она оценивала мой поступок. Почему я сел именно сюда? Что я буду делать? Ждать, что она заговорит? Попытаюсь ли произвести впечатление? Будет ли разыгрывать из себя поклонника?

Я закончил с борщом, отпил компота и только тогда я нарушил тишину, не глядя на неё, а разглядывая свою ложку.

— Трудно читать и есть одновременно. Особенно если книга по сопротивлению материалов. Можно сломать мозг.

Она не ответила. Но в её позе что-то изменилось. Из сотен возможных сценариев моего поведения этот сухой, технический комментарий о неудобстве, явно не входил в её список вероятных.

— Привычка, — наконец сказала она, аккуратно закрывая книгу, предварительно положив тонкими пальцами закладку. — Эффективность использования времени.

— Эффективность, — повторил я, кивнув. — Знакомое понятие. Правда, обычно его применяют к механизмам.

— Человеческий мозг тот же механизм. Сложный, с высоким КПД, если не засорять его ненужными социальными протоколами. — Она отпила из своей кружки с чаем.

— Значит, вы исключили ненужные протоколы, — я позволил себе легчайшую, едва уловимую улыбку в уголках губ. — Радикально, но эффективно. Вас здесь оставляют в покое?

Впервые в её глазах, в этих чёрных глубинах, мелькнула искорка чего-то живого.

— Оставляли, — подтвердила она. Потом, после паузы, добавила: — До сегодняшнего дня.

— Моя вина, что я нарушил эту традицию, - с лёгкой улыбкой произнёс я. — Но у меня было две цели: поесть и спросить.

— Спросить?

— Про профессора Вольского. Как он вам?

Она откинулась на спинку стула, скрестив руки на груди. Это был не защитный жест в попытке закрыться. Это была поза человека, переходящего в режим чистой аналитики. Она изучала меня со всё большим интересом.

— Почему вы спрашиваете? Вы первый, кто заговорил со мной не о погоде, не о моих планах на вечер и не о том, почему я «такая холодная». — в голосе было неподдельное удивление. — Вы спросили об учёбе? О Вольском. Почему?

— Потому что вы единственный человек в этой аудитории, который на лекции Грубера смотрел не на доску, а будто сквозь неё. Вы видели не формулы, вы видели саму структуру, её логику, если хотите. — Я смотрел прямо на неё и продолжал. — Простите, если я ошибаюсь, но мне кажется, что вы ищете не оценки, а знания. А из тех преподавателей, что я уже видел, только Вольский может это дать. Ну, или указать направление, во всяком случае.

Она молчала, и эта пауза довольно затянулась, но не казалось неловкой. Наконец она подняла на меня глаза и медленно кивнула.

— Вы очень наблюдательны, — сказала она, и добавила. — Для первокурсника.

— Для человека, которому интересны системы, — поправил её я. — А вы – самая интересная система.

На её тонких губах, впервые за всё время нашего диалога, промелькнуло нечто, похожее на улыбку.

— Вольский, — сказала она тихо, по-заговорщически, словно делясь секретом, — он не просто даёт знания. Он показывает трещины: в материи, в теориях, в головах. А его семинар — это вообще за гранью. Он не для тех, кто хочет лакировать действительность. Это для тех, кто готов видеть изнанку. Говорят, он видит потенциал там, где другие видят только нарушение правил. — Она сделала паузу, а её чёрные глаза сверлили меня. — А вы сами готовы к этому? К тому, что правила, которым вас учили, окажутся неполными? Или вовсе неверными?

Её вопрос повис в воздухе, ведь тут уже стоял вопрос не о мировоззрении, а готовности полностью сломать свою картину мира. Я отставил от себя уже пустой стакан.

— Я инженер, ну, будущий инженер, — сказал я просто. — Моя работа и заключается в том, чтобы видеть слабые места и либо укреплять их, либо использовать. А ложные правила есть просто ошибки в расчётах, а ошибки подлежат исправлению.

Она посмотрела на меня ещё несколько секунд, потом снова кивнула. На этот раз более определённо. Она поднялась, взяла свою книгу и поднос. Её движения были плавными, грациозными, но лишёнными всякой театральности. Перед тем как развернуться, она на мгновение задержалась.

— Меня зовут Анна, — и добавила, — Анна Витальевна. Тогда до среды, Данилов.

И она ушла, словно растворившись в толпе.

Я остался сидеть, ощущая послевкусие от этого разговора, куда более насыщенное, чем от борща. Она оказалась не просто красавицей, но ещё и мыслителем. Одиноким, возможно, даже ранимым под этой броней холодности, но обладающим редкой ясностью ума.

Я допил остатки компота, поднялся и унёс поднос. В голове, поверх планов и карт, теперь отчётливо горела одна мысль, которую я даже не стал записывать в блокнот, потому что она врезалась в сознание глубже любых чернил: «Анна. Анна Витальевна»

Но не только это я извлёк из нашего разговора. Отдельный семинар у профессора Вольского. Очень интересно, но вот как на него попасть? В расписании я такого не видел, хотя девушка мне отчётливо сказала день недели, когда он будет. И мне определено нужно туда попасть, на это у меня были уже целых две крайне уважительных причины.

Глава 3

Переход из упорядоченного мира университета в хаос, пусть и созидательный, но всё-таки хаос, в родной уже кузнице, был как глоток крепкого купчика после разбавленного кипятком чая столовой.

Я толкнул тяжёлую, обитую железом дверь кузницы.

Первое, что привлекало сейчас в убранстве нашей «цитадели», было освещение.

Не слепящее и чадающее пламя факелов, не вонючее шипение масляных светильников и не неровный оскал лучины. Свет был ровным, мягким, молочного оттенка, льющим из нескольких глиняных чаш, укрепленных на стенах и балках. Он не мигал, не копил, не бросал пляшущих теней. Он просто был. Наполнял пространство, выхватывая из темноты верстак, наковальню, ряды инструментов на стене, лицо Гришки. Этот свет не слепил, а плавно распространялся по всему внутреннему периметру.

Я специально остановился на пороге, позволяя ощущениям накрыть с головой. Гришка, сидевший у верстака и что-то чинивший, поднял голову. В этом новом свете его лицо, обычно сметливое, но достаточно жёсткое, казалось иным — более сосредоточенным, более спокойным. Он кивнул, и его глаза скользнули сначала к светильникам, а потом ко мне. Взгляд словно говорил: «Я ничего не понимаю».

— Начальник, — наконец произнёс он, и в этом слове не было ни уличной фамильярности, ни казённого подобострастия. Он просто говорил, как есть. Я был начальником этого места, этого света, и этой тишины, нарушаемой только потрескиванием углей в горне и далёким уханьем совы где-то за окном.

— Григорий! — Поприветствовал его я, закрывая за собой дверь. Не знаю почему, но звук задвигаемого засова всегда успокаивал.

Я подошёл к ближайшему светильнику и протянул руку. Тепла они практически не давали, лишь издавали лёгкую, едва уловимую вибрацию в воздухе, похожее на марево над раскалённым летним булыжником мостовой. Глина, та самая, синяя глина Колчина (ещё из первого мешка, самые остатки),

Глина покрывала ровным тонким слоем обычные глиняные горшки, из тех, относительно целых, что нашли после первой генеральной уборки. Я не использовал здесь магию в своей активной фазе, как и не поддерживал их сейчас своей магической энергией. Лишь единожды, потратив весь вечер и выжав себя до очередного головокружения, впечатал в эту глиняную «плоть» саму концепцию «светить». Я уже давно заметил, что при должном усилии этот чудоматериал имеет свечение как побочный продукт воздействия, вот и решил «запечатать» его, попутно немного подправив её внутреннюю структуру.

Зато теперь всё работало в статичном состоянии. Вечный (увы, не совсем так, заряд, хоть немного, но расходовался) резонанс структуры был надолго закреплён. «Эфирный маховик», как я мысленно окрестил это явление. Раскрутил его раз и теперь он фосфоресцирует себе. Потом надо будет его просто снова «подкрутить».

— Ну так же гораздо лучше? — спросил я, больше глядя на светильник, чем на Гришку.

— Не гудит, не коптит, не боится сквозняка, да и пожара не случится, — практически перечислил он. — Ребята сначала крестились, правда, но теперь попривыкли. Говорят, и глаза не болят к концу дня.

Отличная оценка. Не «красиво, не красиво», а по делу, «глаза не болят». Прямо высшая похвала.

— Главное, убирать их в подвал, пока кузня открыта для всех желающих, — уточнил я, — иначе нас самих как колдунов тут сожгут.

— Да мы ж с понятием, Алексей Митрофанович, - специально вытягивая слова, ответил Гриша, с еле заметной улыбкой на лице. Поправлять я его не стал, хоть звучит со стороны также нелепо, как и «господин начальник».

Я отвернулся от светильника, и сел на табурет напротив Гришки. Он отложил в сторону сломанный замок, вытер руки о фартук. Рабочий, старый фартук. Тот, новый, выданный мной, с нашей эмблемой, аккуратно висел на крючке возле двери, рабочий день закончен.

— Да докладывай уже, — сказал я, и мои плечи сами собой распрямились, сбрасывая остатки невольной студенческой скованности. Здесь я не студент, здесь я прораб, инженер и руководитель в одном лице.

Он докладывал чётко, по пунктам, как мы и договорились ранее. Доходы от мелких заказов уже покрыли расходы на материалы за прошлую неделю и дали небольшую прибыль. Новые клиенты: лавочник с Житного рынка заказал ремонт весов, соседняя пекарня, но не Арины, починку плиты. Запросы были и на что-то посерьёзнее, но он, помня «железные правила», сразу не брал, сказал, что нужно согласовать с хозяином. Я кивнул одобрительно. Команда: Митька, Женька, Сиплый, уже сработались, всё меньше дерутся между собой за первенство, а больше спорят о методах работы.

— И по железу, — Гришка понизил голос, хотя кроме нас в кузнице никого не было. — У Семёна Игнатьевича всё в порядке, но цены кусаются. Нашёл другого, через старых... знакомых. С Урала везёт, качество говорит не хуже, а дешевле чуть ли не на треть. Но связь ненадёжная, привезут без okazji.

— Ага, — перебил его я. — Нас за дела твоего старого знакомого под монастырь не подведут? Поди, было ваше – стало наше, а к нам потом городской в гости захаживать начнёт.

— Ну зачем вы так, — обиженно произнёс Гришка. Я заметил, что они все в разговоре со мной как-то незаметно стали переходить на «Вы». Что ж, ежели все мои годы сложить, в том мире да шестнадцать годков этого, я им и в деды сгожусь. — Парни боевые, не спорю, так давно за ум взявшиеся. Подрядились меж мануфактур да рудников свои «караваны» водить, весьма удачно, к слову. Им и на охрану тратиться не приходится, сами если что... — Тут он осёкся, понимая, что опять может сказать лишнего.

— Договорились, — я поднял вверх руки с улыбкой, — считай убедил.

— Я думаю, дублировать каналы, — продолжал Григорий — что-то продолжим брать у Семёна, для срочного и точного, а уж оптом тогда с нового поставщика, пока с оговоркой, а там как скажете.

Стратегическое мышление, мать её за ногу. Парень действительно быстро учился, схватывая всё на ходу. Я почувствовал прилив, пожалуй, даже отеческой гордости. Из уличного главаря, который дрался за кусок хлеба и уважение, он превращался в настоящего управляющего. Видел систему, да и думал на перспективу.

— Хорошо, — сказал я. — Веди оба канала. Но нового проверь через Семёна, пусть даст заключение по образцу. Доверяй, но верифицируй. Проверяй, то бишь.

— Верифи...ааа... понял. — Он кивнул, запоминая новое для себя слово. Потом его лицо, освещённое ровным магическим светом, стало серьёзнее. — И ещё. По улице, мимо нас, странные какие-то люди ходили. Со стороны, вроде обычные гуляки, но по виду не пьющие, и глазами так по сторонам, особенно на наши ворота. Сиплый попробовал было последить, так те дворами да подворотнями слились. Случайные так точно тропки эти не заметили бы, а на местных не похожи. Не свои, да не Хромого, хотя тех мы тоже вроде всех в лицо знаем. Третьи, что ли, какие-то?

Третьи? Интересно. Меньшиков, что ли, решил сменить тактику и нанять кого-то посерьёзнее уличных бандитов? Или, что более вероятно, слава о «мастерской, где чинят всё» пошла по городу и привлекла внимание тех, кому наша независимость была как кость в горле?

Местные цеховые, да прочие конкуренты? Или, о чём я подумал с холодком в животе, те, кто может почуять не сталь, а нечто иное? Магию?

— Смотрите пока по сторонам почаще, — сказал я тихо. — Но не нарывайтесь. Пусть ходят-смотрят. Наши стены крепкие. И система... — я мотнул головой в сторону невидимых «сейсмодатчиков», вмурованных в землю по периметру, — работает. Пока меня не предупредит, увы, но отпугнуть сможет.

Гришка снова кивнул. В его взгляде читалась полная уверенность в моих словах. Для него магия света и возможности сторожевых чар были уже частью ландшафта, как молот или наковальня. Принял, усвоил, использую.

Организационная часть была закончена. Повисла тишина. Мы сидели в нашем общем творении, в этом островке света и порядка, который ещё недавно грозил превратиться в руины. Гришка потянулся к котелку, висевшему над тлеющими углями, налил в глиняную кружку какого-то взвара и протянул мне. Не кофе, не чай, что-то травяное, горьковатое, с дымком.

Я взял, кивнул и сделал глоток. Жидкость обожгла горло, разлилась теплом по груди.

— Как учёба? — спросил парень внезапно, глядя на меня искоса.

— Та же работа, — ответил я, и улыбка сама собой тронула губы. — Сложная. И со своими правилами, которые я ещё не все знаю. Но интересно.

— А этот... Меньшиков?

— Там же. Этот-то сейчас в своей среде. Но пока только словами кидается по мелочи, — я отпил ещё глоток. — Но сейчас важнее всего здесь. Ты держишь фронт, Григорий, без этого никуда.

Он ничего не ответил, но его плечи распрямились ещё чуть больше. Он понял. Его работа, эта старая кузница в далёком переулке, была не менее важна, чем лекции в университетах.

Я допил взвар, поставил кружку, поднялся.

— Я ушёл, — сказал я Гришке. — Ещё кое-что доделать нужно. Но если что, ты знаешь, где меня найти.

— Знаю, — он тоже встал. — Спи спокойно, начальник. Здесь всё под контролем.

Я вышел на улицу, оставив за спиной кузницу. Встречный ветерок одарил лёгким холодом, что так контрастировал с теплом от горна. Я шёл по тёмному переулку, и, хоть усталость и начинала накатывать на меня, это была приятная, здоровая усталость — от дел, от созидания.

Вернувшись в свою каморку на мансарде, я не стал зажигать лампу. Лунного света, пробивавшегося сквозь небольшое окошко, было вполне достаточно, яркий луч падал аккуратно на середину стола. Я достал из тайника «Трактат об эфирных резонансах». Кожаный переплёт был холодным на ощупь. Я прикоснулся к нему лбом, закрыв глаза. В тишине комнаты, вдали от шума фабрики и шёпота университетских коридоров, я начал анализировать события минувшего дня.

Была Анна с её холодным, но сметливым умом, наш диалог был весьма странным, но, меж тем, приятным. Были светильники как лишнее доказательство того, что магия поможет не только в работе, но и в быту. Был Гришка, быстро превращавшийся из просто союзника в настоящую опору. И был Вольский, обещавший дверь в мир настоящих знаний, правда, весьма странным образом. Его интересные, но довольно двусмысленные речи ещё следовало расшифровать и проверить.

— Верифицировать, — добавил мой внутренний голос. А Гришка теперь ночь спать не будет, чтобы не забыть это слово.

Я открыл трактат, и старинные буквы снова поплыли перед глазами.

«...ибо резонанс есть не приказ, но ответное дрожание струны мироздания на правильно взятый аккорд воли...»

Я откинулся на стул, глядя в потолок, где танцевали лунные тени. Всё это: университет, кузница, магия, люди, было разными нотами одной сложнейшей, захватывающей симфонии под названием новая жизнь. И я только начинал учиться её слушать. А чтобы дирижировать...

Нужно было знать партитуру наизусть. От первой до последней ноты.

Я снова склонился над книгой. Ночь уже вступила в свои права.

Лунный свет, что в кузнице был, порой, волшебным инструментом, здесь, в мансарде, оказался предателем. Он скользил по страницам «Трактата» жёсткими, серебряными ножами, выхватывая абзацы, но отказываясь освещать их целиком, оставляя смысл утопать в чёрных, непроглядных пропастях между строчками. Я зажёл-таки лампу. Тихо шипящее пламя стало моим союзником против холодной отстранённости ночи.

Я листал страницы фолианта. Буквы уже плыли перед глазами, уставшими от насыщенного дня. Это был не язык, это была шифровка. Архаичные обороты, пропущенные логические звенья, предположения, выдаваемые за аксиомы. «Эфирная плотность», «узлы симпатии», «обратный отзвук воли». Слова, слова, слова. Они упирались в сознание, как тупой бур в калёную сталь. Шестнадцатилетний мозг, перегруженный впечатлениями, кричал: «Хватит!» Сорокалетний жизненный опыт отвечал логическими командами: «Расшифровывай. Раздели на части, чтобы понять всю систему».

Я начал с самого простого. Отринул мысль пытаться понять всё сразу и нахрапом. Нужно искать пока знакомые аналогии. «Резонанс» — это как раз понятно. Как камертон, отзывающийся на определённую ноту. Но как взять нужную «ноту» своей волей? Как «настроить» кусок глины, чтобы он отзывался не на прикосновение, а на мысль на далёком расстоянии?

Я вёл тонким карандашом по полям, делая пометки, которые едва было видно. «Гипотеза: воля — не сплошной поток. Волновой пакет? Импульс с определённой... частотой?» Частота мысли. Абсурд. Но магия ведь работала в этом мире. Значит, ей была присуща какая-то своя физика. Или метафизика, которая подчинялась особой внутренней логике.

Пальцы, привыкшие чувствовать в последнее время только металл, сейчас ощущали лишь неровную поверхность бумаги. Я закрыл глаза, пытаюсь не читать, а почувствовать книгу — не помогало. Тракта́т молчал, как придорожный камень. Он не был магическим артефактом, лишь инструкцией к нему. А инструкция была написана для тех, кто уже знал базовый язык.

Раздражение от собственного своеобразного бессилия начало медленно закрадываться в голову.

Я мог починить паровую машину, мог запугать бандитов, мог заставить глину светиться. Но я не мог проникнуть в голову к какому-то давно умершему мистика, алхимику, и понять, что он имел в виду под «семеричным отражением эфирного импульса в кристаллической решётке души».

Душа. Вот ещё слово, от которого коробило меня как инженера. Нет души. Есть сознание. Есть мозг. Есть воля — продукт нейрохимических процессов. Её можно измерить? В этом мире — видимо, да. Значит, нужно искать не философию, а верный рецепт.

Я снова взял в руки карандаш.

Сила, сконцентрированное желание. Читаем, магия. Так, это я умею. Может, не Бог вещь как, но всяко лучше, чем любой из встреченных мною людей.

Материал как проводник. Допустим, глина.

Дистанция. Ограничение в двадцать метров — эмпирический факт. Почему? Затухание сигнала? Помехи? Или... порог чувствительности приёмника? Может, глина просто не может «слышать» меня дальше?

А что, если создать не приёмник, а... ретранслятор? Или усилитель?

Мысль пронзила, меня как молния. Я стал лихорадочно листать трактат, уже не пытаюсь вникнуть в длинные, витиеватые предложения, а выискивая только конкретные термины.

«Посредник», «цепной отклик», «созвучие через подобие». Всё не то, но ощущение, что я нащупал ниточку, только крепло.

Усталость нахлынула внезапно, смяв все построенные догадки в бесформенную массу. Глаза слипались. Я откинулся на спинку стула, глядя на потолок, где плясали тени от керосиновой лампы. Я снова упёрся в стену из незнания. И для того, чтобы её преодолеть, нужен был не очередной манускрипт. Нужен был учитель, тот, кто уже прошёл этот путь и мог указать на ошибки в расчётах.

Аристарх? Мудр, бесспорно, но очень осторожен. Он даст ключ, но не проведёт за руку. Ему нужно сначала доказать, что я не сломаю себе шею и не спалю его лавку. Да и в принципе, знать и уметь есть разные понятия.

И тогда, сквозь пелену усталости, всплыл другой человек. С прицельным взглядом диагноста и странными словами. Вольский.

«...видит потенциал там, где другие видят нарушение правил».

Слова Анны прозвучали в тишине комнаты уже с иным смыслом. О готовности видеть мир не таким, каким он должен быть по учебнику, а таким, какой он есть. Со всеми его трещинами, аномалиями, нестыковками.

Что такое магия для инженера, как не колоссальная, всеобъемлющая аномалия? Нарушение всех известных правил? А Вольский... Вольский искал такие нарушения в материалах. Искал слабые места, скрытые дефекты, точки будущего разлома. Он был специалистом по аномалиям.

Леденящая и одновременно жгучая догадка пронзила меня. А если он ищет их не только в железе? Если его интерес простирается и к «нестандартным» студентам, к тем, кто «видит сквозь доску», простирается дальше? Если кафедра материаловедения — это лишь фасад, а настоящая его работа, это поиск и изучение тех самых «трещин в реальности», куда проваливается физика? Или, наоборот, из которых прорастает магия?

Это была безумная идея, не спору. Но она стучалась в моё сознание с упорством, которому стоило позавидовать. Вольский не стал бы говорить об усталости металла как о «памяти». Это был взгляд не инженера. Это был взгляд того, кто чувствует материю живой. А что такое магия анимации, как не попытка договориться с материей, разбудить в ней отклик?

Я медленно выдохнул. Пламя в лампе дрогнуло от моего дыхания. Тень на потолке метнулась в сторону.

А его семинар, упоминаний о котором нет ни в одном учебном расписании. Может это и есть та самая дверь, лазейка. Возможность взглянуть на мир другими глазами, моими глазами.

Я аккуратно закрыл «Трактат», положив ладонь на потёртый переплёт. Теперь у меня было две такие книги. Одна была тесно связана с другой, но мне не хватало азона, чтобы проникнуть в их смысл и понять.

Я погасил лампу. Комната погрузилась в полумрак, и я, сраженный навалившейся усталостью, провалился в сон, еле дойдя до кровати.

Аудитория химической дисциплины была просторной, с высокими окнами, залитыми скудным осенним светом. Вдоль стен тянулись шкафы с пузатыми склянками, где за стеклом стояли рядами вещества всех цветов радуги: лазорево-синие (очевидно купорос), лимонно-жёлтые (ну это по всему сера), кроваво-красные (тут я, признаться, мог лишь догадываться).

На столах перед каждым местом стояли довольно примитивные горелки, набор склянок с реактивами и толстая тетрадь для протоколов. Места занимали выборочно: кто-то кучковался с друзьями, кто-то, как я, искал уединения на дальней скамье. Я бегло окинул взглядом

зал, отмечая лица. Количество студентов изрядно поредело. Сидели в основном те, у кого во взгляде читалось сосредоточенное, фанатичное внимание.

— Своего рода фильтр, — подумал я. Химия отсеивала тех, кто пришёл в инженеры только ради статуса или «так папенька велит». Здесь всё же требовалась иная дисциплина ума.

И что немаловажно, не было никакого намёка на надменную ухмылку Меньшикова. Его и его свиты здесь просто не было. Видимо, химия не входила в список обязательных развлечений для золотой молодёжи.

— Ну и слава Богу, — с лёгким облегчением подумал я. Меньше народа — больше кислорода.

Преподаватель, сухощавый мужчина лет пятидесяти с крючковатым носом и прищуренными глазами за толстыми стёклами очков, начал свою лекцию без преамбул. Голос у него был сухой, монотонный, лишённый каких-либо эмоций, будто он диктовал не законы взаимодействия веществ, а погодный бюллетень. Он писал на громадной грифельной доске формулы мелом, который в его руках скрипел так пронзительно, что часть аудитории периодически вздрагивала. Хотя, возможно, они всего лишь в эти моменты просыпались, кто знает.

Я, признаться честно, слушал вполуха. Основания, кислоты, соли... Примитивная классификация. Я смотрел на написанную формулу серной кислоты и мысль, которая зрела с вечера, с момента работы над кристаллом, обрела вдруг чёткие контуры. Резонанс. Симпатия. Передача состояния. В магии, допустим, понятно, через эфир, через волю. А в химии? Через что? Через электроны? Через...

Лектор, закончив писать, обернулся и монотонно произнёс: «Реакция нейтрализации протекает необратимо до конца при соблюдении стехиометрических соотношений только при взаимодействии сильной кислоты с сильным основанием. Вопросы есть?»

Воцарилась тишина. Как я понял, вопросы здесь задавать не любили, ну может только один: «А это будет на экзамене?».

Но сегодня тишину нарушил я.

Я поднял руку.

Невысоко, но этого хватило. В аудитории несколько голов повернулись на меня с немым удивлением. Преподаватель, профессор Зудов (фамилию я знал из расписания, сам же он не соизволил даже представиться), остановил взгляд на мне, и его прищур стал чуть уже.

— Да?

Я встал.

— Профессор, вопрос не по программе, скорее, из области... теоретической. — Я сделал маленькую паузу, собирая формулировку из обрывков трактата и собственных домыслов. — Профессор, мы знаем, что свет и тепло могут влиять на реакции. Но существуют ли, по вашим сведениям, другие, ещё не открытые или не признанные виды излучения, способные специфически изменять ход химических превращений на расстоянии? Например, некоторые натуралисты пишут о влиянии «лунных лучей» на кристаллизацию солей, другие о том, что растения могут влиять на окисление металлов поблизости. Есть ли в этом рациональное зерно, или это всё суеверия?

Вопрос повис в воздухе. Он был странным. Он пах не учебными изысканиями, а чем-то на грани алхимии. Но именно этого я и добивался.

Профессор Зудов снял очки и медленно протёр их. В аудитории стояла тишина, нарушаемая только потрескиванием газовой горелки.

— Студент...

— Данилов, Алексей Данилов.

— ...Данилов. Вы затрагиваете область, которая пока принадлежит скорее спекуляциям, чем науке. Да, есть работы о влиянии ультрафиолета, есть гипотезы о «лучах N»... но всё это крайне сомнительно. — Он на миг остановился. — Однако сам факт, что вы задаётесь вопро-

сом о неизвестных факторах влияния, говорит о пытливом уме. Помните: наука начинается с вопроса «почему?», но должна опираться на воспроизводимые наблюдения. Ваши примеры пока не из их числа, но, надо признать, любопытный вопрос для первого курса. Крайне любопытный. Садитесь, студент Данилов.

Я сел. Но в спине, между лопаток, внезапно возникло ощущение чьего-то пристального, неотрывного взгляда. Не любопытного взгляда однокурсников, те уже и позабыли, что я спрашивал. Я не стал оборачиваться сразу. Дождался, пока профессор снова углубится в лекцию, и лишь тогда, будто стряхивая невидимую пушинку с плеча, повернул голову налево, в сторону дальнего угла аудитории.

Там, в тени массивной кирпичной колонны, где свет от окон терялся и создавал полумрак, сидел человек. Прямая, негнушаяся спина, проседь в коротко стриженных волосах, руки, сложенные на коленях. Он не конспектировал и не смотрел на доску. Он смотрел прямо на меня. Это был профессор Вольский.

Наши взгляды встретились на долю секунды. В полутьме я не мог разобрать точно направление его взгляда, но тут он, не меняя позы, медленно кивнул мне.

Остаток лекции я просидел, чувствуя на себе этот взгляд, как прицел на загравке. Когда прозвенел звонок, и студенты зашевелились, застучали отодвигаемыми стульями, я первым делом бросил новый взгляд к колонне. Место было пусто. Вольский исчез так же бесшумно, как и появился.

Я собрал свои вещи, не спеша вышел в прохладный коридор, уже заполняющийся людским гомоном. И только сделал несколько шагов, как сбоку, из ниши у высокой дубовой двери, появилась тень.

— Молодой человек.

Я остановился. Профессор Вольский стоял рядом, буравя меня своим пронзительным взглядом.

— Профессор, — кивнул я, стараясь, чтобы интонации в голосе не выдали мой интерес к подобной встрече

— Ваш вопрос на лекции Зудова... Вы где-то с подобным сталкивались? Или это чистая спекуляция ума?

Вопрос был задан мягко, но в нём чувствовался подвох. Он проверял. Но не знания, а саму причину.

— Вопрос скорее теоретического толка, профессор.

Вольский молча смотрел на меня несколько секунд. Его взгляд, казалось, просвечивал черепную коробку и изучал узоры извилин внутри.

— Теоретического толка... — повторил он задумчиво. — Подобные неожиданные теории могут привести к прорыву. Или к взрыву, — он сделал паузу. — Если у вас есть познания и интерес, выходящие за рамки ваших учебников, я готов пригласить вас на мой семинар. Лаборатория материаловедения, третий корпус. Каждую среду, после шести. Возможно, вам там будет интересно.

Он не стал ждать ответа. Просто ещё раз кивнул, и растворился в потоке студентов, двинувшись в противоположном направлении своей бодрой, энергичной походкой.

Я остался стоять, пропуская мимо себя толпу.

— На ловца и зверь бежит, — пронеслось в голове старинное выражение.

Глава 4

Не успев прийти на завод, я тотчас отправился к начальнику цеха. Он восседал в своём кабинете за столом, и выводил что-то на листе с такой силой, словно хотел перенести свои записи и на поверхность столешницы в том числе. Насупленные брови, игра желваками, определённо тема письма не из приятных. Я не успел подойти к двери и постучать, как он внезапно поднял на меня глаза и приветственно кивнул, приглашая войти.

Стоило мне перешагнуть порог кабинета, от отложил исписанный лист в сторону и деловито произнёс:

— Ну, Алексей Митрофанович, докладывай.

Сам отчёт о выполненных задачах был давно уже построен в моей голове, а потому не занял много времени. Сухие цифры: что исправил, где исправил, затраченное время да использованные материалы.

Борис Петрович слушал внимательно, не перебивая, и лишь изредка кивал. Его сосредоточенное лицо не выражало ничего, но по глазам было заметно, что он доволен.

- Продолжай в том же духе, Алексей, - наконец произнёс он. — Главное, не расплясь на все дела сразу. Лучше делай последовательно, больше успеешь. Ну, а у меня к тебе есть особая просьба, — сказал он. Порывшись в ящике стола, он достал и протянул мне листок бумаги. На нём, крайне карикатурно, был изображён гидравлический пресс.

— Проверь его, — продолжил он, откидываясь на спинку стула, которая в ответ жалобно скрипнула. На листке, рядом с изображением, чьим-то кривым почерком было начертано: «Шумит, течёт, дёргается». — Но только вечером, после смены, пожалуйста.

Он отдельно выделил последнее слово, что было само по себе весьма странно, потому я решил переспросить.

— А почему не сейчас, - удивленно произнёс я, а сам в это время уже прикидывал, какие обыденные неисправности могут в нём случиться. — На данный момент я свободен, так что время терять?

— Потому что так надо, — посуровел он, но всё-таки продолжил. — Там свои мастера есть, эти их за ногу. — Он досадливо крикнул, — старые, опытные, умнее некуда. Правда работают по старинке, всё новое для них чуждо, переучиваться не хотят, да и медленные... что те черепахи. Обидеть лишний раз не хочется, дело то они по большому счёту делают. Но и откладывать эту ситуацию с прессом надолго не хочется. Неровен час, как говорят, хороший стук наружу выйдет. А тогда и здравствуй капитальный ремонт. Минус единица оборудования, снова корректировка технологической цепочки, а это означает сдвиг сроков по нашему госзаказу.

Я понял его, прекрасно понял. Нужно быть поаккуратнее, не попадаться никому на глаза из мастеровых, а то неровен час проклянут ведь меня.

— Понял. Схожу и аккуратно посмотрю. — повторил я уже вслух, специально выделив слово «аккуратно».

Борис Петрович кивнул, и в его взгляде мелькнуло что-то вроде благодарности. Не за то, что почию, а за то, что верно понял подтекст.

До конца своей смены я благополучно занимался чертежами в архиве, но стоило мне пойти на своё «спецзадание», я почти сразу столкнулся с Федотом Игнатьевичем. Вернее, не так, скорее мастер возник из полумрака у токарного ряда, в засаленной куртке и прищуренными глазами.

— Университет-то как? — здороваясь, произнёс он хриплым голосом. — Мозги ещё не кипят?

— Пока справляюсь, - улыбнувшись, ответил я. — Там тоже почти как работа, только больше интеллектуальная.

Старый мастер фыркнул, но в складках у глаз заплясали знакомые смешливые искорки.

— А ты куда путь держишь? — спросил он, сунув руки в карманы.

Вот тут пришлось покривить душой и соврать. Сказал и тут же внутренне поморщился.

— На склад прогуляться решил. За расходными материалами. Вам что-нибудь захватить?

Старый мастер хоть и был своим в доску, но кто знает, с кем он еще общается. Ляпнут один другому, переврут ещё после десятых рук, и всё, обида на ровном месте. В данном же случае тактика требовала не прямого удара, а обходного манёвра.

— Ты главное руками работать не переставай, — выдал мне мастер, уже поворачивая в соседний коридор, — они не меньше головы для работы нужны.

Поблагодарив старика за его житейскую мудрость, я побрёл на нужный мне участок, попутно рассуждая, что же всё-таки важнее, руки или голова. Или, как на картинке в скабресном листке: главное – хвост.

К нужному цеху я решил идти окольным путём, разумно предположив, что таким образом шанс увидеть своих знакомцев будет минимален. Хотя, моё лицо уже и так всякая собака здесь знает.

Я уже успел здесь «засветиться», стать излишне заметным. А заметность в таких делах первейший враг.

Территория завода оказалась тем ещё лабиринтом. Я шёл мимо кирпичных корпусов, мимо свалок ржавого железа, мимо одиноких, дымящих на ветру труб. И вдруг упёрся в стену. Но не в ту, что шла по периметру. В той кирпич был уже старый, тёмный, поросший у основания мхом. С наружной стороны в порядок его всегда приводили, а вот изнутри нет, да и кому смотреть на эту красоту в общем. А эта конструкция была явно моложе, выглядела куда массивнее, а главное – была на добрый метр выше внешней. Создавалось ощущение, что я оказался у крепости внутри крепости. Оно значительно окрепло, когда на углу я заметил вышку с часовым на ней. Мужчина был в шинели, рослый, усатый, и задумчиво смотрел на меня внимательным взглядом.

Я кивнул ему, сам не знаю зачем, и направился дальше.

Аккурат на том повороте, что мне и был нужен, в этой «цитадели» оказались ворота.

Добротные, кованые, с массивными петлями. Были они открыты, но проезд закрывал не менее «добрый» шлагбаум с ещё двумя, явно служивыми людьми. Не молодыми, а уже в возрасте, с лицами, обветренными и серьёзными, они бдительно провожали меня взглядами, пока я не повернул к нужному корпусу.

Любопытно, стоит спросить у заводских коллег, что это за заводская твердыня.

Войдя в нужный цех, я сразу понял, почему Борис Петрович говорил о нём с такой досадой.

Он сильно отличался от нашего, и не в лучшую сторону. Станки, хоть уже и не новые, но все были покрыты слоем масла, пыли и стружки, словно про уборку рабочего места здесь и слухом не слыхивали. Да и в целом, создавалось общее впечатление неряшливости, хотя не мне судить. Я довольно быстро нашёл своего «больного», который стоял в углу. Посмотрев по сторонам, я не стал тратить время и положил обе своих руки на корпус. Так я и думал, его «болячки» были довольно обыденными и отнюдь не смертельными. Борис Петрович, очевидно, решил перебдеть, ибо до планового капитального ремонта этому «динозавру» было ещё далеко. Хотя, если его так обслуживают, возможно, срок его «жизни» может и изрядно сократиться. Я мысленно составил для себя список запчастей и мероприятий для его «выздоровления», передам начальнику, а там пусть уже сам решает.

Сразу после работы я направился не в кузницу, а к Афанасию Аристарховичу. Мне снова нужно было в его обитель знания, ведь в изучении трактата о резонансах я зашёл в некий тупик.

Внутри ничего не поменялось с моего последнего визита, лишь, пожалуй, увеличилось количество книг, которые закрывали все возможные плоскости его полуподвального помещения.

Сам хозяин сидел за своим столом-верстаком, заваленным стопками бумаги, инструментами и банками с неизвестным содержимым. При свете настольной лампы, которую он зачем-то задвинул себе за спину, тени, что он отбрасывал на противоположную стену, напоминали паучьи лапки. Хотя нет, он был скорее старым, мудрым жуком-древоточцем, въевшимся в самую сердцевину древесины знаний.

Его длинные пальцы с жёлтыми от клея ногтями сноровисто собирали очередной манускрипт, который по своей толщине превосходил кирпич. В процессе он шевелил губами, словно повторяя алхимические формулы, или какие-то древние колдовские заклинания.

Я не стал его окликать, тем более что был уверен, что моё появление не было незамеченным. Просто подошёл и положил на край стола, свободный от хлама, два предмета: «Трактат об эфирных резонансах» и листок из блокнота, испещрённый моими вопросами. В целом он был мне не нужен, потому что я их задавал себе уже столько раз, что высек их у себя в голове.

— Теория красива, — сказал я, и мой голос прозвучал в окружающей тишине излишне громко и несколько грубовато. — Но, увы, бесполезна без практики. Но где взять упражнения? Конкретные методики? Как почувствовать этот самый резонанс, а не просто прочесть о нём?

Я не ждал от него готового решения, нет. Мне нужен был хотя бы алгоритм, или, на худой конец, рабочий чертёж. Уж их то я читать научился, хотя в магии, как я уже начал понимать, чертежи были иного рода.

Аристарх (я так и не мог мысленно звать его иначе) не обернулся сразу, но и не вздрогнул от неожиданности. Он аккуратно и бережно сделал ещё несколько стежков, затянул, и только после этого отложил книгу в сторону и посмотрел на меня. Улыбнулся, и медленно, с нарочитой, даже несколько театральной неторопливостью, снял очки. Долго и бережно тёр их о свой поношенный жилет, степенно надел, и только тогда его взгляд, не по-стариковски острый, упал на мой листок.

Он долго и внимательно изучал его, а потом тихо вздохнул. В этом вздохе было что-то от учителя, в сотый раз объясняющего азы упрямому, но всё же способному ученику.

— Ты хочешь рецепт, — произнёс он наконец. Голос у него стал сухой, шелестящий, как страницы ветхой книги. — Как испечь пирог. Берёшь муку, два яйца, щепотку соли... Но здесь, мальчик мой, поваром твоя собственная душа. А душу по рецепту не приготовишь.

Он отодвинул листок и посмотрел прямо на меня. Его глаза за толстыми линзами казались огромными и бездонными.

— Начни с малого. Совсем с малого. Возьми два куска одного материала. Идентичных. Очисти, наконец, свой ум. Не пытайся командовать. Не толкай. Вообще не нужно применять силу. Просто... создай между ними ментальный мост. Пусть даже тонкий, как паутинка, это не важно. А потом смотри и слушай. Слушай, как они откликаются друг на друга. Как один начинает... звенеть в унисон с другим. Пойми, что они не два предмета. Они два конца одной струны.

В моей голове щёлкнуло. Инженерная часть ухватила за аналогию, пытаюсь облечь мистику в более понятные формы.

— Это как... в детстве? — вырвалось у меня. — Две жестяные банки и верёвка. Говоришь в одну — слышно в другой.

Уголок рта Аристарха дрогнул, не улыбка, но её бледная тень, признак того, что аналогия хоть на что-то годится.

— Грубо, примитивно, но... похоже. Только верёвка не пеньковая. Она из эфира, из твоей воли, магии, называй как хочешь. — Он помолчал, и его взгляд стал серьёзнее, тяжелее. — Но помните, Алексей Митрофанович, резонанс — это не только связь, но ещё и усиление, которое привлекает внимание. Колеблешь струну, и звук расходится. И в эфире бывают уши, которые могут этот звук услышать.

Последнюю фразу он сказал шёпотом, но она прозвучала громче любого набата.

Это не выглядело как глупый страх старца над неведомым. Он скорее просто информировал меня о тех факторах риска, что могли возникнуть. Его предостережение было крайне здраво, и, оттого, будоражило ещё больше.

Я забрал трактат со стола. Мне показалось, что книга за это время стала теплее, хотя до неё никто не дотрагивался. Но мой визит нельзя было назвать неудачным, теперь у меня появилась точка опоры. Пускай достаточно размытая и зыбкая, но это лучше, чем было у меня буквально полчаса назад.

— Благодарю, Афанасий Аристархович, — сказал я, кланяясь, в то же самое время прокручивая в голове новую для себя методику «Начни с малого».

— Не торопись благодарить, — буркнул он, уже возвращаясь к своему станку. — Поблагодаришь, когда получится. И когда не сломаешь ничего... важного.

Я вышел на улицу, в прохладный вечерний воздух. Предупреждение о «чужих ушах» било в голову тяжёлым колоколом.

Но, с другой стороны, кровь будоражил азарт. Тот самый чистый, детский азарт исследователя-первооткрывателя, получившего ключ от новой двери. И пускай за ней могла таиться опасность, плевать. Это был путь, и я уже знал, что не отступлю.

Я шёл, сжимая трактат в руке, и уже составлял в голове план эксперимента. Нужно тихое место, это раз. Два одинаковых образца, это два. И, наконец, «очистить ум». Вот с этим, пожалуй, будет сложнее всего.

Мой ум, кажется, не отдыхал никогда. Анализ, расчёты, постоянный неумолкающий внутренний диалог. Заглушить его значило всё равно что остановить собственное сердце.

Ну что же, будем пробовать. Всё-таки я не только инженер. Я ещё и мастер-големостроитель, пускай и из другого мира с абсолютно иными законами мироздания. И ещё я упрям, как чёрт. Иначе бы не выжил там, ну, пускай, и всё равно умер от удара в спину. Иначе, ну чисто теоретически, и не оказался бы здесь, где мне вселенная своей волей дала второй шанс.

Место для эксперимента я выбрал на окраине, за Малиновым оврагом, где из земли торчали рёбра то ли вовремя не достроенных, то ли уже полуразобранных домов.

Звук здесь не затихал, а умирал, поглощаемый сырой землёй, грудями битого кирпича и огромным пустым небом над головой. Только ветер изредка гулял меж покосившихся стен, издавая тонкий и жалостливый свист, как единственный голос этого места. Для моих целей идеально. Никто, даже самые отчаянные ребятишки, сюда не забредал.

Я достал из холщового мешочка два глиняных шара, которые забрал из своих запасов, на пару минут забежав в кузницу. Сегодня обойдусь без доклада Григория, мне же не терпелось опробовать совет старого переплётчика. Эта была не та, первая глина, её остатки ушли на последние датчики. То был второй мешок, именно этот материал превратился в прах на моём первом опробованном големе. Причины я пока так и не выяснил, но магия с ней работала, это точно, потому что связь я определенно чувствовал.

Лабораторный стол мне заменила упавшая стена одной из местных построек, и лежавшая практически параллельно земле. Лучше и не придумать.

Я сел на корточки и закрыл глаза.

Внутренний диалог, тот самый, что не умолкал ни на секунду, нужно было заглушить. Не выключить, это было выше моих сил, а отодвинуть, сделать фоном, убрать на самый дальний план. Сосредоточился на дыхании: на ощущении прохладного воздуха, входящего в лёгкие, и

чуть более тёплого выходящего. На стуке собственного сердца, отдающемся в висках ровным, навязчивым гулом. Потом перенёс внимание на глину. Вспомнил совет Аристарха: не команда, не толчок. Мост.

Я представил не силу, а натяжение. Тончайшую, невесомую нить, протянутую от центра одного шара к центру другого. Не своей магией, а словно бы она уже там была, просто невидимая, и мне нужно было лишь увидеть её существование, признать её.

И, о чудо, я почувствовал. Сначала едва-едва: будто лёгкую рябь на абсолютно гладкой поверхности сознания. Потом чётче: холодок глины, её шероховатость под воображаемым прикосновением, её внутреннюю, спящую упругость. И связь. Пусть слабую, дрожащую, как паутина на ветру, но связь. Она была!

Я открыл глаза. Шары лежали неподвижно. Но в пространстве между ними воздух словно сгустился, стал вибрировать, как марево над раскалённым металлом. И этот мост держался.

Медленно, стараясь не нарушить хрупкое равновесие, я отступил на шаг. Связь дрогнула, но не порвалась. Ещё шаг, и ещё. На привычной дистанции в двадцать шагов я обычно чувствовал границу, тот самый предел, где контроль становился рваным, а затем резко обрывался. Я сделал ещё пять шагов. Сердце забилось чаще, но не от физической нагрузки, а от ментального усилия, будто я тянул невидимый канат, который с каждым метром становился всё тяжелее. Связь истончилась, стала похожей на тоненький лучик света, пробивающийся сквозь туман. Но она работала.

—Так, — пронеслось в голове. — Пусть маленький, но рост. И если не общей силы, то дальности контроля точно.

Теперь надо было проверить её на действие. Я мысленно, осторожно взялся за эту воображаемую нить. Не приказывая шарам катиться, а просто изменяя её натяжение.

И они двинулись, плавно, синхронно, друг на друга, как будто отталкиваясь невидимой силой. Между ними, в моём восприятии, действительно сияла теперь тончайшая, искрящаяся на грани видения нить эфирного резонанса. Теперь я начал раздвигать шары между собой, и остановил на расстоянии трёх метров друг от друга — максимальном, на котором связь ещё чувствовалась стабильной. Потом, уже смелее, начал водить их по периметру площадки, заставляя описывать круги, меняя скорость.

И всё это время я одновременно с этими манипуляциями пытался «нащупать» внутри себя тот самый источник, «магическую батарейку». Обычная анимация ощущалась как открытый кран: энергия текла, её уровень падал. Здесь же было иначе. Энергия не столько тратилась, сколько фокусировалась. Концентрировалась в той самой нити. Но концентрация эта была изматывающей. Это было не мышечное, а нервное истощение, будто я часами удерживал в полной неподвижности чугунную гирю.

Успех был, очевидный и измеримый. Дистанция увеличилась, пускай и незначительно. Контроль стал аккуратнее, изящнее. Шары двигались не как марионетки, а как связанные части единого целого. Но радости не было, потому что я чувствовал, как силы утекают с новой, пугающей скоростью. Это был не постепенный расход, а словно кто-то выдёргивал из меня жилы и вплетал их в эту искрящуюся струну связи. Каждый сантиметр дистанции, каждая секунда сложного управления оплачивалась тройной ценой — не просто ментальной усталостью, а глубоким, щемящим опустошением где-то в самом нутре. Три минуты. Я продержался всего три минуты.

Связь порвалась с чувством, похожим на обрыв струны на скрипке в самом тихом месте мелодии. Шары замерли, превратившись обратно просто в комки холодной глины.

Я присел, опершись ладонями о колени, глаза сами собой закрылись. В ушах зазвенело, в висках застучал тяжёлый молот. Всё тело прошиб ледяной пот, хотя на улице было довольно тепло. Перед глазами поплыли тёмные пятна, и знакомое, ненавистное чувство — «выжженная пустота» — накрыло с головой. Но к привычной усталости и моральной горечи добавилось

новое ощущение: горькое, металлическое послевкусие на самой глубине души: прогресс есть, но цена непомерна. Я не просто устал. Я чувствовал, что потратил что-то более ценное, чем просто энергию, как будто отрезал по кусочку от собственного тела, чтобы сплести эту нить.

С минуту я просто сидел, тяжело дыша, пытаюсь собрать метаящиеся мысли в кучу. Потом встал, шатаюсь, и подошёл к стене. Шары лежали безмолвно. Я собрал их, такие тяжёлые и безжизненные, и сунул обратно в мешок. Пальцы рук дрожали.

— Значит, так, — резюмировал я про себя, глотая подкативший к горлу ком. — Не сила, а утонченность. Не напор, а контроль. Афанасий Аристархович был прав, но он не договорил главного: за каждый сантиметр дистанции, за каждую каплю изящества придётся платить втройне. И такое ощущение, что частичкой себя.

Я побрёл обратно к городу, чувствуя, как ноги с каждым шагом становились всё более ватными, а спина стала мокрой от пота. Усталость была такая, что хотелось лечь прямо здесь, но в голове, сквозь этот туман, уже выстраивался новый, более жёсткий план. Эксперимент удался, данные получены, и ограничения ясны как день. Значит, нужно менять подход. Не просто «настроиться». Нужно искать способ усилить источник. Или найти способ плести «нити» из чего-то другого, менее дорогого. Или... понять, как сделать так, чтобы резонанс поддерживал себя сам, хотя бы отчасти.

— Трактат, — подумал я, похлопывая по портфелю, где лежала книга. — Ответы должны быть там, нужно лишь правильно читать. Не как инженерный чертеж, а слушать как музыку. Главное уловить мелодию.

Путь был ясен. Он был тяжелее, опаснее и дороже, чем я думал. Но отступать было некуда. Без этого големы так и останутся игрушками в радиусе двадцати шагов. А у меня планы были больше.

Гораздо больше.

Глава 5

Тишина дома Гороховых после одиннадцати была штукой особого свойства. Это вам не мирная тишина библиотеки или спящего хвойного леса. Она, напротив, была наполнена мириадами разных звуков: скрипов половиц, хотя никто и не ходил вовсе, едва слышных шорохов мышей за плинтусом, лёгких сквозняков, гуляющих по коридорам дядино дома.

И над всем этим властвовало мерное, гулкое тиканье напольных часов в холле, как огромный метроном, отсчитывающий время, которое в этих стенах застыло лет двадцать назад, пропитавшись запахом лакированной мебели и навощённого паркета, перемежаясь с нотками лицемерия и душевного тления.

Я аккуратно поднимался по лестнице на мансардный этаж, прокручивая в голове события минувшего дня. Карманы куртки мне оттягивали те самые два глиняных шара, мои учебные пособия по резонансу, холодные и безжизненные сейчас, как напоминание о стене, в которую я упёрся. Тело просило просто рухнуть на койку и отключиться, растворившись до самого утра.

Я почти упёрся в неё грудью, прежде чем заметил. Она стояла на маленькой, тёмной площадке прямо перед моей дверью, прижавшись спиной к стене так плотно, что, казалось, хочет с ней слиться, став частью обоев с унылым цветочным узором. В тусклом, жёлтом свете лампы, висящей в коридоре, её лицо было словно вырезанным из воска.

Татьяна. В обычной ночной рубашке и поношенном халатике. Она нервно теребила ремешок халата, сводя и разводя пальцы в каком-то лихорадочном, неосознанном танце. Только её глаза, широко раскрытые, смотрели на меня из темноты абсолютно спокойно.

— Я вспомнила ещё кое-что... — шёпотом произнесла она, и, после короткой паузы, продолжила. — О флигеле.

Усталость за тяжёлый и насыщенный день (хотя я уже и забыл, что бывает по-другому), моментально испарилась. Готов поспорить, я в это мгновение должен был напоминать охотничью собаку, этакого сеттера, который уловил тончайший запах дичи на ветру. Всё моё внимание сфокусировалось на сестре. Я не ответил вслух, но этого было и не нужно.

— Старая ключница, Марфа, ещё рассказывала, когда я маленькой была. — Таня быстро заговорила, слова спотыкались, насакивали друг на друга, вырываясь наружу, как из прорванной плотины. — Старая ключница, Марфа, она при прадеде ещё с малолетства была. Она говорила, прадед запирался там на недели, ему еду и ту на крыльце оставляли. И там был... подвал. Но вход сразу замуровали после его смерти. Все говорили, чтобы дух покойника не тревожить.

Подвал. Совершенно логично, не чердак, не кладовая, не кабинет в конце концов. Подвал. Сухо, прохладно, постоянная температура, никаких лишних глаз, а главное, никаких случайных визитов. Идеальное место для алхимика-затворника, одержимого своими странными экспериментами.

— Подвал, — повторил я, и мои собственные мысли, прояснившись, зазвучали для меня самого громче набата. — Там могло что-то сохраниться. Настоящий архив. Не пыльные книги на чердаке, а инструменты, записи, материалы. — Я сделал короткую паузу, а мозг в это время уже просчитывал варианты проникновения, оценки состояния, рисков. — Марфа ничего не говорила, где вход в его пещеру Алладина?

Таня покачала головой, и её светлые, распущенные волосы колыхнулись, отбросив на стену пляшущую тень.

— Только что где-то в полу, под верстаком. Алексей, давай посмотрим! - с новым энтузиазмом зашептала Татьяна, глядя на меня снизу вверх своими большими испуганными глазами. - Завтра, ну послезавтра. Или даже на выходных, родители в гости планировали уехать. А я скажусь болезной, маменька ни в жизнь со мной не останется, спихнёт на прислугу. Это если бы вопрос Эдика касался...

Её вопрос повис в воздухе, она с надеждой смотрела на меня, а меж тем ответы сразу сложились в моей голове, и я ответил практически мгновенно.

— Увы, в будни я занят до вечера, и работа, и учёба. В выходные все остальные дома всё одно, вообще не выберемся. Если не дядя с тётёй, так прислуга в отсутствие хозяев сама вошкаться по углам будет.

Я замолчал, глядя на тьму за окном. Нет, откладывать смысла нет. Решено, сейчас. Да и на улице ночь безлунная, хоть глаза коли. Родственнички уже в опочивальнях давно, да и дворовые давно на боковой. Все настолько привыкли к моим поздним возвращениям, что уже и внимания не обращают, опять же на руку. Идеальный момент, да и, пожалуй, единственный.

— Да что тянуть? — подытожил я, и решение придало моему голосу твёрдость. — Пойду сейчас и схожу. Время позднее, твои уже давно седьмой сон видят...

Она вмиг насупилась, а вся её хрупкая, подростковая фигурка напряглась, как тетива лука. В глазах вспыхнуло пламя, так не вязавшееся с миниатюрным обликом сестрички.

— Но я с тобой пойду! - решительно сказала Таня.

— Да ты чего это удумала, — моментально произнёс я, стараясь вложить в голос командирские нотки. — Иди в комнату, обещаю, я всё тебе потом расскажу.

Это было отличное, оптимальное предложение, и полностью безопасное. Вот только одного я не учёл.

— Нет, — прошептала она, и в этом тихом звуке было столько напора, что я мысленно отступил на шаг. Её глаза, обычно добрые и немного испуганные, горели холодным, стальным огнём. — И вообще, это я тебе всё рассказала. Если бы не я, ты и не знал бы ничего. — Она сжала свои маленькие кулачки, и в этот миг она была уже не милой маленькой девочкой, а грозной, злой фурией, чьё достоинство было задето. Её милые глазки так и метали молнии.

Нарисовывалась проблема. Я устал и вздохнул. Риск попасть в «неловкую» по меньшей мере ситуацию, с её присутствием, помноженным на её же неопытность, возматерился многократно. Но настойчивость в её взгляде не была похожа на обычный детский авантюризм. Скорее это была взрослая, вполне себе взвешенная решимость соучастника. Да и понять её можно, это именно она выложила мне свою семейную тайну, и требовала теперь своей доли, не в награде, а в самом действии. Отказать значило не просто обидеть сестрёнку, это значило сломать хрупкий, только что сложившийся альянс, разменяв стратегического союзника на сиюминутную осторожность.

— Ну вот что с тобой делать? Ладно, — сдался я. Рискованный актив лучше, чем потерянный. — Но только очень тихо и аккуратно. И переоденься, что ли, кто в пижаме ночью по сараям лазит.

— Я быстро! — прошептала она, и её лицо озарила ликующая улыбка. Она сорвалась с места и стремительно, но тихо исчезла в темноте коридора, как светлая тень на тёмном фоне, оставив меня в кольце тикающих часов и давящей тишины.

Ожидание заняло не больше двух минут. Она вернулась, и я едва сдержал улыбку. На ней были чёрные, мешковатые шаровары, явно чужие, подоткнутые в грубые сапоги, и тёмный, толстый свитер под самое горло, размера на три больше её. На мой немой вопрос, откуда наряд, она просто махнула рукой: мол, не до эстетики.

— Ладно, — сдался я окончательно. — Времени у нас немного. Пойдём быстрее, раз даже природа нам благоприятствует.

Мы крались вдоль задней стены дома, как два призрака в непроглядной тьме. Я шёл впереди, и каждый шаг отдавался в моём сознании громче, чем на самом деле: мягкий хруст подошвы по утоптанному грунту, шорох ткани пиджака о шершавую кирпичную кладку. За спиной я чувствовал частую, прерывистую дрожь дыхания Татьяны.

Флигель вырос перед нами, и был он не просто старым. Тёмный, местами осыпавшийся кирпич вобрал в себя всю черноту ночи, и лишь белесые прожилки отвалившейся штукатурки,

похожие на шрамы, обозначали его контуры. Окна, заколоченные кривыми досками, смотрели на нас слепыми, безразличными глазами. Где-то очень далеко, за рекой, прокричала сова. Её уханье было таким одиноким, что казалось, оно не нарушало тишину, а лишь подчёркивало её полноту.

— Идеально. — хрипло прошептал я. — Никому не видно, даже из кухни.

С этой стороны дома не было ни одного окна. Мы были в чёрной дыре, в слепом пятне спящей усадьбы.

Таня указала на дверь, я бы сам её не нашёл. Она пряталась в гуще разросшегося плюща, который цеплялся за кирпичи чёрными, скрюченными ветвями, будто пытаясь утащить строение обратно в землю. Сама дверь была монументом прошлому: массивные, почерневшие от времени и влаги дубовые доски, стянутые коваными железными полосами, уже изъеденными местами рыжей, бугристой ржавчиной. А венчал это великолепие висячий замок. Не просто замок, а настоящее чудовище литейного производства размером с голову ребёнка, покрытый толстой коркой окислов. Попытка взломать его силой ночью, да и не только ночью, была бы равносильна удару в колокол.

— А теперь стой здесь. И свистни, если кто-то появится, — бросил я через плечо. Таня в ответ лишь кивнула, прилипнув спиной к холодному кирпичу. Её лицо в темноте было бледным пятном, а глаза - двумя огромными тёмными впадинами, в которых застыло ожидание.

Я отвернулся, расстегнув холщовый мешок, что забрал из своей комнаты, пока сестрёнка «преображалась». Пальцы, холодные от ночного воздуха, нащупали внутри не металл отмычки, а знакомую, податливую прохладу комка глины. В ночи она казалась почти чёрной, да в её глубине таилось слабое свечение, знакомое только мне. Я раскатал ком между ладонями, под пальцами глина оживала, становилась послушной, превращаясь в тонкую ленту.

Я вставил глиняный «проводник» в замочную скважину. Закрыв глаза, я отсекал всё: давящую темноту, ночные запахи, учащённый стук чужого сердца за моей спиной. Осталась только внутренняя тишина и тончайшая нить внимания, которую я направил вглубь этого металлического лабиринта.

Магический импульс, посланный по глине, заставил стать её для меня щупом. И в ответ, в моём сознании, начала проступать карта. Тактильная, беззвучная, но невероятно чёткая. Я чувствовал шероховатости внутренних стенок, тугие, сжатые витки пружин, холодные, гладкие цилиндры штифтов, вставших на свои места, как солдаты в карауле.

Пот выступил на лбу и висках, но не от усилия, а от предельной концентрации. В ушах стоял не реальный звук, а его ментальное эхо: тихие, шелестящие щёлк... щёлк... щёлк, будто кто-то невидимый внутри замка аккуратно передвигал шестерёнки.

И вот кульминация. Последний штифт, самый упрямый, сдался под мягким, но неумолимым давлением магии.

Я открыл глаза, аккуратно и бережно снял замок и толкнул дверь.

Она поддалась не сразу, открывшись с протяжным скрипом, который, казалось, разорвал ночную тишину. Казалось, этот звук разнесётся на километры и разбудит всех в округе. Из щели хлынул поток воздуха, спёртого, тяжёлого. Он пахнул на меня самым временем: пылью веков, сухим прахом бумаг, сладковатой гнилью органики и чем-то ещё... металлическим, острым, как будто в этом воздухе десятилетиями продолжали висеть молекулы химических соединений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.